

МАРИНА ИНДИВИ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ДРАКОНОВА АКАДЕМИЯ

ТОМ 2

Марина Индиви

Драконова Академия.

Книга 4. Том 2

<https://litres.ru/74204419>

Аннотация

После встречи с Адергайном мне кажется, что счет идет на недели. Все, что я знаю — я должна остановить то, чего он так жаждет. Раскрытие моей тьмы. И, что не менее важно, справиться с влечением к тому, о ком думать совершенно непозволительно. Как это сделать, спрашивается, если я каждую ночь вижу сны о нем? Учиться, учиться и только учиться, потому что только так я смогу изменить увиденное мной у алтаря. Драконова Академия!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	25
Глава 4	38
Глава 5	50
Глава 6	68
Глава 7	77
Глава 8	86
Глава 9	96
Глава 10	107
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Глава 1

Лена

Я как-то по-другому представляла нашу встречу. Точнее, я ее раньше вообще не представляла, а в глубине души надеялась, что она никогда не состоится, но где я, а где надежда, правильно?

Единственным цветным пятном во всей этой тьме был серебряный кулон, затерявшийся в складках черных одежд Адергайна. Тьма и серебро сплетались воедино, искрами вспарывая пространство и создавая вокруг нас черную вязкую мглу, в которой всему живому явно было не место.

Проблема была только во мне. В смысле, я тут еще была живая. И я очень хотела такой остаться, поэтому руку не приняла, поднялась и выпрямилась.

— Зачем вы убили овцу?

Говорят, в нестандартных ситуациях надо мыслить нестандартно, вот Адергайн Ниихтарн — явно та самая ситуация, и вряд ли он ждал вопрос про овцу. Но по какой-то неведомой мне причине абсолютно не удивился и не стал менять тему.

— Хочешь поговорить про юкку? Время бесценный дар, Лена.

— Вы куда-то торопитесь?

— Я — нет. А вот те, кто собрался там, — он кивнул на

адептов, преподавателей и на всех, кто остался по ту сторону жизни, — явно за тебя волнуются. Порталы они вряд ли рискнут открывать, а вот подойти постараются, хотя, скорее всего, пошлют за Валентайном, потому что то, что они видят, заставляет недалекие светлые умы трепетать. Но есть несколько проблем: первая — Валентайн занят, вторая — отсюда достаточно сложно отправить вызов, и третья. Люциан Драгон.

От того, как он произнес его имя, внутри все сжалось, словно меня сплющило невидимым прессом.

— Его-то как раз не остановит темная магия. И когда он сюда доберется...

Перед глазами мелькнула картина, которую я увидела у алтаря Горрахона. Которая до сих пор была слишком яркой, как местная живопись. Я сглотнула.

— Что вам нужно?

— Вот это уже более предметный разговор. Ты, Лена, мне нужна ты. Но я не собираюсь заставлять тебя идти за мной силой, и уж тем более шантажировать твоими друзьями.

— Тогда зачем вы здесь?

— Хотел на тебя посмотреть. А точнее — тебя почувствовать. — Ладонь легла на мое плечо раньше, чем я успела отпрянуть. Адергайн перемещался то ли как вампиры, то ли как световые волны. Я только уловила прикосновение, а внутри меня словно окончательно выключили свет. Я даже не представляла, что образное выражение может быть на-

столько буквальным. Когда меркнет все хорошее, все плохое, все становится неважным и незначительным, и единственным, что может это заполнить, оказывается зовущая, манкая сила Заграницы.

Это длилось мгновения? Или часы?

Когда Адергайн убрал руку, я просто хватала ртом воздух, пытаюсь заново осознать себя в этой жизни. Почувствовать, что я есть. Что я просто есть, а не рассыпалась пылью тлена, как та несчастная юкка.

— Ты привыкнешь, Лена. Эта мощь войдет в твое тело и станет твоей второй сущностью. Ты не просто научишься с ней жить, ты научишься ей наслаждаться.

Вот теперь я шарахнулась назад, на автопилоте выстраивая заклинания защиты, которым меня учил Валентайн, и пытаюсь вспомнить хоть одно толковое боевое. Адергайн мне не мешал, он вообще больше не двигался, рассматривая меня, как нечто занятное. Я же прекратила свои попытки быстрее, чем даже успела дотронуться до защиты, прекрасно понимая, она его не остановит. Всего моего внутреннего ресурса не хватит на то, чтобы от него закрыться.

— Почувствовали? — хрипло спросила я: голос неожиданно сел. — Довольны?

Теперь я понимала, о чем говорил Валентайн. О том, кто такой его отец. О том, *что* он такое. О том, почему он не хочет становиться таким же.

— Доволен. Доволен, Лена. Тебе осталось совсем чуть-

чуть, и ты сама придешь в Мертвые земли.

Я с трудом удержалась, чтобы не начать вопить в духе классического голливудского героя: «Не бывать этому, злодей!» Вместо этого вздохнула и расправила плечи.

— На этом, полагаю, наше свидание можно завершить.

Адергайн неожиданно усмехнулся:

— Женщины вашего мира, точнее, мира, в котором ты выросла, слишком много на себя берут. Когда ты будешь со мной, мы это исправим.

— У Валентайна другое мнение насчет нашего воссоединения.

— Мнение Валентайна на этот счет меня совершенно не интересует. — Его взгляд впервые за все время нашего разговора сверкнул холодным серебром, став невыносимо похожим на взгляд сына. — Кстати, спроси у него на досуге, что он так тщательно от тебя скрывает, и почему. До встречи, Лена.

Сгустившаяся вокруг нас тьма на мгновение стала настолько плотной, что у меня перехватило дыхание, как от сильного ветра. Разрыв пространства был не таким, как от портала, Адергайн просто растворился во тьме, и я впервые в жизни увидела, как кто-то уходит в Загранье. То, что произошло, я поймала, уловила, почувствовала на уровне обострившихся инстинктов, а потом все закончилось.

Вокруг относительно посветлело, раздалось далекое меканье-блеяние разбежавшихся юкк, снова стало видно скелет в

лохмотьях. Я согнулась пополам и попрощалась с завтраком навсегда. Несколько раз. Пока я так стояла, упираясь локтями в колени, выпуская так и не ставшую для меня питательными веществами еду, мокрая как мышь от холодного пота, снова тоненько дернуло тьмой.

Он что, забыл мне что-то сказать?

Саркастично-убойная мысль мелькнула и растаяла, потому что из разрыва Загранья ко мне устремился рой красивых огромных бабочек. Красивых и смертельно опасных. Бьяниглов.

Типа вот так мило со мной пообщаться, чтобы потом просто убить?

Мелькнувшую мысль затмила скорость реакции, когда я вспоминала простейшие ударные заклинания от Валентайна. Первая бабочка рассыпалась тленом, вторая, третья, следом накрыло весь рой, а потом я услышала жужжание над головой, и...

П-с-с-с!

Попытавшуюся ужалить меня тварь просто растворил золотой щит. Он обтекал мое тело, как вторая кожа, и любая попытка меня достать заканчивалась этим «п-с-с-с». Тем не менее бабочки с завидным упрямством бились в него, бились и гибли, бились и гибли, а я, раскрыв рот, смотрела на Люциана, который шел ко мне, окруженный в точности таким же щитом. Какой только что поставил на меня.

— Лена, ты же в курсе, — остановившись рядом со мной,

поинтересовался он, — что убивать бяниглов нужно только после того, как полностью закроешь себя?

— Я вообще не хотела никого убивать. Я защищалась.

— Пойдем-ка лучше отсюда.

Он протянул мне руку, и в золотом свечении, исходящем от нее, воздух казался наполненным солнцем. Мы тут эпично светились, как Эдвард Каллен, а я поинтересовалась:

— Ты как здесь оказался?

Чтобы сюда попасть, пешком надо было топать полчаса. Минимум.

— Портал.

— Но...

— Я рискнул, — сообщил Люциан. — Конечно, Оллихард орал так, что его наверное услышали в Хэвенсграде. Меня выкинуло вон там. — Он показал на невысокий холм. — С расчетами без точных координат такое бывает.

Я просто молча хлопала глазами, пытаюсь переварить услышанное, а Люциан взял меня за руку.

— Пойдем, я зафиксировал координаты портала у алтаря. Что-то мне подсказывает, — он бросил взгляд на скелет и на продолжающих самоубиваться бяниглов, — что здесь лучше не задерживаться.

Я с ним была абсолютно согласна. Горкадохлых бабочек у моих ног однозначно об этом говорила, и, пока тут не появилось что-то еще, лучше бы оказаться как можно дальше отсюда. Поэтому вложила свою руку в его и шагнула в разо-

рвавшееся пространство, за нами с жужжанием устремились бьяниглы, и... Меня затрясло. Нас затрясло. Портал задержался в разные стороны, Люциан едва успел подтянуть меня к себе, когда нас вышвырнуло непонятно куда. В густые колосья, не порезавшие мне руки, спину и грудь только потому, что на мне был золотой панцирь. Я вспомнила, что читала об этом заклинании, а еще о том, что его составить невероятно затратно.

Люциан вздернул меня на ноги и прижал к себе почти мгновенно: откуда у него такая скорость реакции и способность группироваться, оставалось только догадываться. В любом случае, это нам уже вряд ли бы помогло, мы были не у алтаря Горрахона, не у моего места встречи с Адергайном Ниихтарном, а вообще непонятно где. Помимо густого заросшего пшеничными (по цвету) колосками поля, пригодного для съемок экранизаций по Стивену Кингу, здесь вообще ничего не было. То есть вру. Был очень пригодный для съемок тех же экранизаций полуразрушенный дом. Еще пара-тройка прорвавшихся за нами в портал бабочек попытались меня тяпнуть, получили удар панциря и попадали вниз. А висевшее над нами низкое, тяжелое, свинцовое небо внезапно разродилось дождем такой силы, что я вмиг оказалась промокшей до нитки.

Золотой панцирь защищал от угрозы, а не от природы, и Люциан дернул меня за руку:

— Лена, бежим!

— Куда?

— Туда!

Я хотела сказать, что бежать в дом, который выглядит так, не стоит, но в этот момент гроыхнуло, а с неба ливануло настолько мощно, что у меня перехватило дыхание. Молния врезалась в торчащее вдалеке дерево, расплосовала его надвое, и у меня пропало всякое желание спорить.

Спустя минут пять галопа мы стояли в занавешенном паутиной холле и обтекали. Люциан тщетно пытался оживить своего виритта или построить портал самостоятельно, а я потыкала в Эвиль.

— Глухо, — сообщила ему.

— У меня тоже. Координаты не выстраиваются вообще. Просто сбивает, не дает даже проложить контур.

Да, кажется, про аномалии нам не наврали. Я подумала об этом, отжимая волосы, с которых текло, как после хорошего душа. А еще о том, что бьяниглов Адергайну посылать было незачем. Если бы ему нужна была моя смерть, я бы легла там рядом с пастухом, и Люциан нашел бы два скелетика. При мысли об этом меня передернуло, ну да ладно. Все хорошо, что хорошо кончается, хотя кажется, здесь ничего еще не кончилось.

Я подошла к пыльному окну, за которым из-за стены дождя практически ничего не было видно. Золотой панцирь истончился, растаял, и я задрожала. Ливень сам по себе оказался не теплым, а в доме было еще и весьма прохладно, по-

этому я обхватила себя руками. Не особо помогало, зубы стучали так, что ими можно было отбивать чечетку.

— Сейчас высушу, — произнес Люциан, приближаясь. Он коснулся меня ладонью, активируя бытовое заклинание, известное нам всем еще с первого курса, и...

Ничего не произошло.

Я увидела отразившееся в его глазах изумление, а после попыталась сделать то же сама. После своего первого неудачного опыта сушки волос я помнила это заклинание наизусть, но сейчас будто билась головой о стену. В отчаянии потянулась к темной магии — должно же хоть что-то помочь нам отсюда выбраться! Но наткнулась на такую же глушь.

Снова.

Снова.

И снова.

— Лена, остановись, — серьезно произнес Люциан. — Не стоит. Только силы потратишь.

Я и сама уже понимала, что не стоит. Все было бессмысленно. Просто магия здесь не работает.

Глава 2

Спустя минут десять тщетных попыток попробовать применить магию из разных уголков этого дома (ничто не способно остановить девушку, которая знает, как может ловить сеть в глухомани) стало ясно, что это не магический вайфай поломался, а магия тут не работает нигде. Вообще. Совсем. Я даже выбежала на полуразвалившееся крыльцо и под ливень, почти готова была убежать обратно в луга-поля, но Люциан втянул обратно. Дождь хлестал так, что не видно было даже места, откуда мы прибежали, не говоря уже о том, чтобы рассмотреть что-то вдалеке.

— Это аномалия, — произнес он, потирая ладони друг о друга. — Смирись. Мы застряли.

По нему видно было, что он тоже замерз: драх его знает, как там обстоят дела с драконами, которые не могут запустить магию. Может у них терморегуляция нарушается, и они в обмороки падают? Но в обморок Люциан вроде не собирался, а вот губы у него слегка посинели. Предполагаю, что я выглядела не лучше. Учитывая, что я была в насквозь мокрой одежде, меня уже начинал бить озноб.

Заметив это, он произнес:

— Раздевайся!

— Ну уж нет, — возмутилась я.

— Ты простыть хочешь?

— У нас есть целебная магия...

— Сейчас у меня вообще никакой магии нет! — рывкнул Люциан, и я подскочила. — Драхство! Прости, Лена. Для меня это полный...

Он не стал договаривать, а я вдруг осознала. Это у меня отсутствие магии воспринимается, как отсутствие вылетевшего вайфая, а у того, у кого она с рождения — наверняка, как отсутствие руки, ноги или других жизненно важных органов. Люциан запустил пятерню в мокрые волосы, а я огляделась. В этом доме не осталось ничего, во что можно было бы завернуться, кроме драной портьеры. Наверняка с насекомыми. Уж не знаю, с какими, но проверять не хотелось.

— Поищи тряпки на кухне, — скомандовала я. — Может, полотенца или еще что-то. Скатерти... если здесь что-то осталось.

— А ты что будешь делать?

Я подошла к стулу, которому уже ничего явно не повредит, и изо всех сил врезала по нему ногой. Можно было и не изо всех сил, но я перестраховалась. Стул разлетелся в щепки, из него что-то вылетело (мелкое и живое) и упорхнуло на второй этаж. Да, с насекомыми я была права, но моя правота мне сейчас не поможет, а вот добытый трением огонь — вполне.

— Ты что делаешь? — поинтересовался Драгон, когда я принялась тереть две более-менее крупные деревяшки друг о друга.

Ну конечно, дракону его положения не положено о таком знать. С другой стороны, вряд ли тут вообще кому-то положено о таком знать. Зачем в магическом мире добывать огонь трением, правда.

— Нужно высечь искру, чтобы разжечь костер, — терпеливо пояснила я. — Тогда мы сможем согреться и высушить одежду.

Я посмотрела на дерево, которое бряцало и скрипело между моими ладонями, но по-прежнему даже не думало загораться.

— Если сможем.

— Давай я попробую.

— А мне что делать?

— А ты иди на кухню. За тряпками.

«Место твое на кухне, женщина!» — подумалось мне, но комментировать я не стала. Пошла искать кухню, пока дом содрогался от грома и молний, а Люциан добывал огонь трением. О том, что будет, если молния шибанет в крышу, я старалась не думать. С другой стороны, костер тогда точно будет хороший. Согреемся сразу же.

Кухня обнаружилась в конце жутковатого, ощерившегося гнилыми зубами дверных проемов коридора. От нее мало что осталось, и я принялась осторожно выдвигать ящики. Один за другим. Очень медленно и потихоньку: мало ли, что тут еще водится? Ничего не водилось. То ли все съестное уехало из этого дома вместе с хозяевами, то ли его уже

подъели, но никаких местных грызунов не обнаружилось.

Осталась только пыль, моль, паутина и пауки.

М-да.

На шестой полураздолбанной полке мне повезло: я дернула дверцу, и на меня вывалилась грязная банка вместе с какой-то тряпкой. Это больше напоминало грубый отрез ткани, чем скатерть, но, перетряхнув его и обнаружив, что в нем ничего не живет, я воодушевилась. Подхватив ее поудобнее вместе с банкой, вернулась туда откуда пришла и обнаружила, что Драгон уже запалил костерок в кладке полуразрушенного камина. Дыму, правда, уходить было некуда, он пер прямо в комнату, но и на том спасибо.

— Класс, а теперь...

Что «теперь», я договорить не успела: Люциан вывернулся из пиджака, из рубашки и принялся за штаны. Подавив желание запустить в него банкой, я резко отвернулась.

— Ты что делаешь?! — повторила его же вопрос.

— А на что это похоже? Собираюсь греться и сушить одежду. Без меня она точно высохнет быстрее, но, что немаловажно, без нее гораздо быстрее высохну я. И ты тоже, если перестанешь от меня шараться. Раздевайся, Лена.

Можно было, конечно, гордо отказаться, но я по ощущениям уже превратилась в сосульку. В мокрую облезлую сосульку, которой светит воспаление легких, поэтому я поставила банку на пол и, прикрываясь найденным богатством, как получалось, принялась раздеваться. В туфлях хлюпало,

и я наклонилась за ними, чтобы их поднять и вылить воду, когда услышала:

— Ты знаешь, что с такого ракурса открывается отличный вид?

— Ты знаешь, что я нашла банку? — поинтересовалась я, резко выпрямляясь и оборачиваясь.

Люциан синим уже не был, от жара огня у него покраснели щеки, придавая ему какой-то совершенно залихватский хулиганский вид. На щеки я и старалась смотреть, и в целом — на его лицо. Даже несмотря на то, что мне уже доводилось видеть его грудь и все, что ниже, повторять это рассматривание сейчас я не собиралась. Тьфу ты, вообще не собиралась!

— При чем тут банка? — поинтересовался он.

— При том, что я могу ей в тебя запустить!

— Не будь злюкой, Лена, — весело произнес Люциан. Притянул меня к себе так быстро, что я даже банку схватить не успела, а потом разом завернул нас в найденную тряпку, из-за чего мы оказались очень близко. Лицом к лицу. Телом к телу.

— Тебе это нравится, да? — разозлилась я. — Нравится, что мы оказались здесь?! Что здесь ничего не работает?!

— Определенно... да, — сообщил он. — Где бы еще мы с тобой так мило и так тесно пообщались?

— Ты неисправим, — я закатила глаза.

— Может быть. Но я совершенно не хочу исправляться.

Люциан смотрел мне прямо в глаза, и от этого кружилась

голова. От этого, от всего пережитого, или от того, что я начала, наконец, потихонечку согреваться? В его руках и какой-то пыльной тряпке, на краю света чужого мира, вообще непонятно где.

Из мыслей меня вывело, хотя я бы сказала, выкинуло кое-что твердое, упершееся мне в живот. Я настолько охренела от такого поворота событий, что не нашла ничего лучше кроме как сказать:

— Не хочу тебя расстраивать, Люциан, но у тебя встал!

Вот зачем я это сказала? Уголки его губ поползли вверх, словно он только этого и ждал.

— В твоём мире это повод для расстройства, Лена?

Я бы его стукнула, если бы не стояла так крепко к нему прижатая. В одном-единственном непонятного происхождения куске ткани, сбросив который, я окажусь голая. Перед ним. Неизвестно, что хуже.

— Кроме того, я не собираюсь оправдываться за то, что так реагирую на тебя.

Я подавила желание закатить глаза.

— Ты так реагируешь на любое двуногое женского пола.

— Спасибо за веру в меня, конечно, но нет. В последнее время я так реагирую исключительно на тебя.

Мне нужно было сказать что-то язвительное, но слов почему-то не нашлось, по какой-то причине. На миг, всего лишь на миг я допустила короткую паузу в нашей перепалке, а Люциан уже накрыл губами мои губы. Знакомо и словно в

первый раз, с привычным ему напором, и в то же время по-другому как-то. Я замерла в шоке, потому что голова закружилась уже совсем по другому поводу. Потому что он целовал меня, не закрывая глаз. Потому что золото из них втекало в меня, его родное немагическое золото, и я не могла перестать смотреть на него.

Под его пальцами горела кожа, которая пару минут назад казалась мне холодной, как у болотной лягушки. В ушах грохотал пульс, а еще звучали его слова: «В последнее время я так реагирую исключительно на тебя», по телу бежал ток, собираясь разрядами в самом низу живота. Горячей пульсацией предвкушения продолжения, особенно когда он с легким нажимом провел языком по моей губе, выпивая мой выдох.

Ладонь Люциана совершенно бесцеремонно переместилась на мои ягодицы, и это отрезвило в последний момент.

— Нет. Нет! Ты что делаешь?! — Я уперлась руками ему в грудь, пытаюсь его оттолкнуть, но попробуй еще сдвинь эту скалу.

— Что я делаю, понятно нам обоим, — хрипло произнес он, обжигая губы своим дыханием, а спину — скольжением пальцев вдоль позвонков. Мне в этот миг невыносимо захотелось выгнуться, и я рвано вздохнула.

— Я сказала: нет. Я не...

— Почему — нет? Ты меня хочешь, Лена. Это уже даже не предположение, — он провел пальцами по моим губам, и ткань поехала вниз. Шлепнулась к нашим ногам, теперь мы

стояли полностью обнаженные, и вспышки молний за окном путались в его прядях, конкурируя с отблесками разведенного огня.

Я действительно его хотела. Отрицать было глупо. Не я! Это проклятое тело, которое мне досталось в нагрузку с Ленор, но именно в этом теле я сейчас и была! Оно горело и плавилось, оно жаждало продолжения, того самого, о котором я буду жалеть всю оставшуюся жизнь, потому что это неправильно! Я с Валентайном, я не могу хотеть Люциана, не должна, это ее жизнь, ее желания, не мои!

— Хватит! — Я рванулась и отступила назад, подхватывая ткань и заворачиваясь в нее чуть ли не с головой.

Снова упорно стараясь не смотреть вниз, вообще избегая его взгляда.

— Да почему хватит?! — процедил он. — Я не пойму, почему ты так упорно сопротивляешься тому, чего хочешь!

— Я с Валентайном, — охладила его пыл. — И ты прекрасно это знаешь.

На его лице заиграли желваки.

— Ты с Валентайном, — зло произнес он. — Да что в нем такого, что ты его за все прощаешь!

— За что — за все?! — огрызнулась я. — На себя посмотри! Ты что ли безгрешный!

— Я по крайней мере не...

— Я его люблю!

После этих слов наконец воцарилась тишина. Такая, кото-

рую с радостью раскаленного ножа разрезал гром, шарахнувший прямо над крышей. Дом содрогнулся, а Люциан сжал кулаки.

— Ты его любишь, — повторил он. — И что — это навсегда?

— Представь себе, Люциан! Любовь — это навсегда. Она не про обстоятельства, обиды и прочие мелочи. Она про близость, про настоящую близость... — Я запнулась, закусив губу. — Про верность. Про...

— Про верность, — хмыкнул Люциан. — Супер, как ты бы сказала. Просто супер, Лена!

Я попыталась вздохнуть и унять бешено колотящееся сердце, которое в этом теле явно не могло понять, почему мы не можем продолжить. Все остальное тело тоже не могло, кровь кипела, кожа стала чувствительной, желая вернуть и продлить его прикосновения, сделать их более откровенными.

Чувственными.

Глубокими.

— Ты знаешь, что в тебя влюблена Ленор. Не я, — я обхватила себя руками, плотнее натянув ткань. — Я не могу тебе дать то, чего ты хочешь. Это тело... оно так и будет на тебя отзываться, но тело — это не я. Я гораздо больше, чем этот ходячий кожаный мешок. Чем раньше ты это поймешь, тем лучше.

Вместо ответа Люциан шарахнул по полуразвалившейся

кладке камина. Изю всех сил. Снова, снова и снова. Я вздрагивала всякий раз, хотя прекрасно понимала, что он меня не ударит. Просто мне каждый раз хотелось перехватить его руку и прижаться губами к сбитым костяшкам, но это же будет... это будет конец. Конец всему. Я вдруг неожиданно отчетливо осознала, что просто хотеть и помешать ему причинять себе боль — это совершенно разные вещи.

Но я не могу... не могу его... что?

— Хватит, — я все-таки перехватила его запястье, ужаснувшись тому, во что превратилась его рука. — Люциан, здесь нет магии, и...

— Мне все равно, — он стряхнул мои пальцы. — А тебе вовсе необязательно делать вид, что тебе не все равно, Лена.

— Я никогда не делала вид...

— Ты все время только и делаешь, что делаешь вид. Сначала — что ты Ленор Ларо. Потом — что ты смертельно обижена на Валентайна. Вопрос только в том, что для тебя самой правда. Ты хоть знаешь, кто ты вообще такая?!

Прорывав мне все это в лицо, он резко обошел меня и направился к той самой портъере, которая прорехами прикрывала окно. Дернул ее с такой силой, что на него полетела пыль, крепление не выдержало и с хрустом и грохотом обрушилось на прогнившие доски, вспоров еще и их. Люциан содрал ткань, которую я подозревала в наличии всяких-разных крылатых жителей (парочка оттуда и правда улетела) и закутался в нее, завязав концы узлами. Из-за взъерошенно-

сти и сверкающих глаз в таком наряде он был больше похож на первобытно-пещерного принца, чем на драконьего.

Но ему шло. Ему вообще все шло.

Я обрубил подобные мысли на корню, как и свое сожаление о случившемся. Хотя меня все еще слегка потряхивало от возбуждения, я поплотнее завернулась в импровизированную тогу и пошла собирать свою одежду, чтобы разложить перед камином. Хотела разложить и его, но Люциан перехватил у меня рубашку и пиджак и сделал все сам. Молча.

Потом мы молча сидели, слушая, как дождь барабанит по крыше и стеклам, каким-то чудом уцелевшим полностью. Когда он начал стихать, а тучи, наконец, решили расползаться, уже стемнело.

— Переночуем здесь, — коротко сказал он. — В ночь по такой местности идти не самое лучшее решение. Кроме того, одежда еще не до конца высохла.

Я была полностью с ним согласна и хотела ему об этом сказать, но не успела. Люциан поднялся, взял найденную мной банку и ушел на улицу. Вернулся с совершенно чистой и полной дождевой воды. Открыл окно, чтобы проветрить: дым уползал вверх, вырываясь наружу через какую-то дыру в крыше. Она там явно была, по дальней стене со второго этажа текло основательно.

— Ложись спать, Лена, — скомандовал мне. — Я подежурю.

— Мы можем меняться...

— Нет.

Я посмотрела в открытое окно, где помимо звезд маячили еще два полумесяца и один беременный недокругляшок местных лун. Спать мне и правда хотелось и, поскольку я не представляла, что еще сказать, просто сделала пару глотков из банки и свернулась прямо на дощатом полу. Не очень удобно, ну а кому сейчас легко.

За моей спиной раздалось какое-то невнятное рычание, Люциан приблизился, сел, уложил мою голову себе на ноги, а сам привалился спиной к каминной стене. Так, чтобы видеть окно и дверь.

«Прости меня», — мне очень захотелось сказать ему эти слова. Но я не представляла, за что я прошу прощения.

Поэтому просто вздохнула и закрыла глаза.

Глава 3

Люциан Драгон

«Я его люблю».

Как ножом по сердцу, честное слово. Кажется, если бы всадили в грудь кинжал и пару раз провернули, и то было бы не так больно. От этой боли не получилось избавиться, когда он раз за разом бил кулаком в стену, ни тем более теперь. Саднящие костяшки напоминали о ней, как незалеченный порез. Хотя куда больше напоминала она: девушка, что спала у него на коленях, свернувшись калачиком в какой-то старой грязной тряпке. Прекрасная, как никогда.

Волосы Лены после дождя от влаги завились кольцами, и ему невыносимо хотелось запустить в них пальцы. Все то время, что он просидел, привалившись к стене, рассматривая ее и не смыкая глаз. Спать не хотелось, к счастью, да он бы и не смог. Оставить ее непонятно где без защиты при учете того, что у него не осталось даже крупницы магии.

Как такое вообще возможно?

Наверное, только эти мысли и помогали отвлечься. Люциан не представлял своей жизни без магии, его готовили ко всему, к чему угодно — но только не к тому, что основа основ, его сила, исчезнет в неизвестном направлении. А что самое паршивое, на военном факультете на первом курсе говорили о возможности оказаться в антимагических кандалах

или с полуиссякшим ресурсом, но он на это просто-напросто наплевал. Вместо того, чтобы слушать лекцию, занимался какой-то ерундой.

Зря. Возможно, если выслушал бы магистра внимательно, сейчас бы не ощущал себя настолько беспомощным. Лена и то лучше него знала, что делать.

Хотя о таком должен был знать он!

Он, а не она, должен был знать про этот драхов огонь!

Запрокинув голову, Люциан осторожно подвигал затекшие ноги, но она даже не проснулась. Неудивительно, после всего случившегося. Спросить ее о том, что произошло рядом с юкками, он не успел, все закрутилось так быстро, что Люциан едва успевал за событиями. Потом было не до этого. А еще чуть позже вообще говорить не хотелось.

Он не удержался, убрал прядку с ее лица, рассматривая безмятежную, спящую девушку. Что там Альгор вообще сказал или сделал, что она вот так легко его простила? При мысли о темном, кровь закипела, пальцы сами сжались в кулаки. И разжались, когда Люциан коснулся ее нежной кожи, провел подушечками по обнажившемуся плечу.

Было в этом что-то совершенно бесстыдное, вот так к ней прикасаться, когда она не знает. Не чувствует. Но если она спит, значит, сейчас здесь может быть Ленор?

Люциан отдернул руку и больше почти не двигался до самого рассвета. До того, как в запыленные, размытые дождем окна заглянули первые лучи все еще относительно раннего

осеннего солнца, а Лена завозилась у него на коленях. Ноги по ощущениям напоминали палки, но, когда она сладко зевнула и открыла глаза, он забыл обо всем. Дорого бы он заплатил за то, чтобы вот так проснуться рядом с ней, и чтобы она была его. Его, его и только его. А после любить ее до умопомрачения.

— Доброе утро, — сказала Лена, мигом становясь далекой и отстраненной.

— Доброе, — ответил он. — Сейчас проснешься — и будем выдвигаться. Лучше не терять времени, драх его знает, где мы вообще.

— Да я уже проснулась. Сейчас только отлучусь ненадолго.

Костер-камин за ночь потух, осталась одна зола и запах гари от бывших стульев, которые он разломал на растопку. К счастью, одежда высохла, и они разбрелись по разным комнатам, чтобы переодеться. Его не оставляло ощущение чего-то безвозвратно упущенного, но поймать это чувство окончательно Люциан просто не мог.

Дождевая вода в банке была единственным припасом, поэтому время терять не стоило не только из-за светового дня и неопределенности, но и из-за отсутствия еды. Поскольку магического резерва не было, ему самому грозила усталость, и очень быстро. После бессонной ночи особенно.

Во время дежурств в гарнизоне магию у него никто не забирал, но Люциан отлично помнил, как это бывает, только

что ты на ногах и бодрячком, а потом начинает выключать.

Из дома они вышли так же молча. Огляделись. Вправо и влево простиралось поле, заросшее густыми колосьями тарги. Зерновое, которое используют для помола и выпечки, но дикое: видно было, что здесь уже давно никого нет, никто за ним не ухаживает. Дорога вдоль поля вся заросла травой, не примятой ни с одной, ни с другой стороны, сразу за домом начинался лес.

— Пойдем вдоль поля, — Люциан глянул на солнце. — Даррания... то есть Даррания, к которой мы привыкли — вон там. Где-то. Понятия не имею, сколько нам идти до ближайшего поселения, но как только заработает магия, откроем портал.

Лена кивнула.

— Если устанешь, скажи. Сделаем привал.

— Не устану, — ответила она. — Я тоже хочу отсюда как можно скорее выбраться.

«Как можно скорее избавиться от тебя», — подумал Люциан. Мысленно дал себе пинка и зашагал по не успевшей высохнуть пропитанной дождем земле. Ноги проваливались в грязь — с ботинками точно придется попрощаться, но из всех бед эта явно было наименьшей.

— Как нас вообще выкинуло сюда порталом, если здесь магия не работает? — задала логичный вопрос Лена.

И правда, как?

— Не представляю, — он покачал головой.

— Портал — это же стопроцентная магия. Значит, мы не должны были сюда попасть.

— Аномалии тех мест, возможно. То есть сюда нас выкинуло, это был магический потенциал с той стороны. А здесь уже все. Нет даже искры.

Лена вздохнула. Пожевала губы.

— Ты не спал всю ночь?

Люциан усмехнулся:

— Не бойся. В обморок не упаду.

Она тоже хихикнула, и он нахмурился:

— Ты чего?

— Да ничего. Просто вчера думала, что с тобой делать, если ты упадешь в обморок. А тут ты... о том же. — Только что она улыбалась, и вдруг ее улыбка погасла. Мгновенно. Как вспышка молнии.

Дальше они снова шли в молчании, и дорога казалась бесконечной. Трава наверняка хлестала ее по ногам, и Люциан с трудом сдерживался, чтобы не предложить Лене взять ее на руки. Прекрасно понимая, что она не согласится. Пошлет его куда подальше. А то еще и в поле убежит, с нее станется.

Потом поле закончилось, а трава нет, но, стоило им завернуть вдоль относительной дорожки к лесу, как вдалеке возникло искрящееся сияние. Оно то возникало, то схлопывалось, то возникало, то схлопывалось. Люциан на мгновение даже остановился, потому что прекрасно знал, что это такое. Так выглядела попытка создать портал человеком с

очень слабым магическим ресурсом. Выглядела бы. Будь это там, где есть магия.

Но здесь... здесь это означало, что кто-то с очень сильным ресурсом пытается прорваться к ним. Более того, по летящим в стороны серебряным искрам, с такого расстояния напоминавшим рассыпающиеся точки, Люциан сразу понял, кто. И Лена поняла тоже, потому что, судорожно втянув воздух, опрометью бросилась туда.

Лена

Я вроде как всю ночь проспала и должна быть довольной и выспавшейся. Потому что это Люциан дежурил, чтобы я могла спать, но в голове какая-то вата и туман. Еще и странное ощущение, что я просто забыла что-то важное, а что — не могу вспомнить. Муторное неприятное ощущение только усилилось, когда я увидела вдалеке нечто отдаленно напоминающее искрящий портал. Искрящий темной магией.

Увидела и припустила к нему, потому что кто мог устроить нам такое приключение, если не Адергайн? Валентайн предупреждал меня, что люди и драконы для него игрушки, а я не верила. Что, если он сейчас играет с нами, как кот с мышками? Хотя мы с Люцианом для него наверное даже не мышки, а так, букашки-таракашки. Перед глазами слишком яркая картина: изломанные крылья, кровь, невидящий взгляд, и я лечу к этому portalу, не разбирая дороги. Вообще не представляя, что буду делать, если там Адергайн, но

собираю в воспоминаниях все, чему меня учили.

Искры тают и рассыпаются, рассыпаются и тают, а потом их вдруг становится больше, больше и больше. Я почти подлетаю к нему, оглядываясь в поисках хотя бы чего-то... Чего? Не с корягой же на местного темного лорда идти, когда пространство все-таки рвется.

Стоящий по ту сторону Валентайн выглядит как сама смерть: глаза черные, текущее с его пальцев серебро смешивается с темной магией, где-то на заднем плане мельтешат незнакомые высокие своды и военные. Очень много военных.

— Лена, быстро в портал! — командует он. — Я не смогу долго его держать.

Меня упрашивать не надо, но я оборачиваюсь: Люциан где-то там вдалеке. Он за мной не бежал. Такое ощущение, что он вообще шаг замедлил.

— Люциан, быстрее! — кричу я и машу руками. — Быстрее! Портал нестабилен!

Он ничего не отвечает, как будто это его не касается, даже не ускоряет шаг.

Вот... драконий дебил!

— Люциан!

— Лена! — почти рычит Валентайн.

Он не может сюда шагнуть, я понимаю, что с порталом любой силы будет то же самое, что и с нашим. А меня просто на части рвет. Я не хочу тут оставаться, в этой глуши непо-

нятно где, особенно после всего, что случилось. Но и не хочу оставлять Люциана одного, пусть даже на него опять нашло временное драконопринцево помешательство.

— Закрывай, — говорю я. — Закрывай, мы доберемся до места, где магия работает, а потом вернемся.

Мне невероятно тяжело ему это говорить, и еще тяжелее отступить. Но я все-таки это делаю. А потом разворачиваюсь и бегу назад. Мне хочется от души пнуть Драгона в причинное место — за то, что он умеет быть таким идиотом в самый неподходящий момент. За то, что на него находит, когда мы на грани выживания! Ведь вроде нормальный дракончик утром... был! А сейчас!

Я подлетаю к нему с той же скоростью, что до этого бежала к portalу, от души колочу кулаками по груди. Разумеется, нашел, когда показать характер! Несмотря на все то, что видел! Несмотря на то, что устроил Адергайн! Про Адергайна я ему, конечно, не рассказываю, но продолжаю колотить по мощной драконопринцевой груди. Которая сейчас как камень! И мозги у него как камень!

— Ты... ты! — шиплю я, понимая, что во мне сломался внутренний напряжометр, и меня несет. Остановиться я уже не могу. — Ты что, не понимаешь, что нам нужно вернуться?! Совсем не понимаешь? Вот вообще не понимаешь, да!

Люциан наконец перехватывает мои руки и как-то криво усмехается. А после кивает за мое плечо и выплевывает:

— Не переживай так, Лена. Теперь ты точно в безопасно-

сти.

Сначала я хочу поинтересоваться, что за бред он несет, и только потом оборачиваюсь. К нам довольно быстрым шагом приближается злоущий, как сто один Люцифер, Валентайн.

Прежде чем я успела выставить руки в разные стороны, чтобы их друг к другу не подпустить, Валентайн уже приближается и шагает ко мне вплотную:

— Что непонятного в словах: срочно в портал, Лена?! — Его взгляд все еще темный, хотя я точно знаю, здесь магии нет.

— Не рычи на нее! — взрывается Люциан.

Это катастрофа.

Катастрофико, как сказали бы на испанском. Потому что Валентайн переводит взгляд на него, и в его глазах выражение, от которого пеплом рассыпаются даже самые стойкие. Что касается Люциана, он просто резко втягивает воздух, явно готовый повторить то, что сказал. От них просто волны агрессии расходятся, и это будет пострашнее магии.

— Брейк! — говорю я, все-таки выставляя руки в стороны. — Брейк! Брейк! У нас здесь экстренная ситуация, которую надо решать! Потому что лично я хочу вернуться домой живой, а на меня напал Адергайн.

— Что?! — Два боевых дракона забывают друг о друге и мигом переключают все внимание на меня.

Молодец, Лена, держи медальку по предотвращению немагического конфликта.

— Адергайн, — повторяю, как заклинание. Пока это имя работает, пусть работает. — То, что ты там видел, Люциан — это был Адергайн, я как-то не успела тебе рассказать.

— Что он хотел? — ошарашенно спрашивает Драгон.

— Нам надо возвращаться, — перебивает его Валентайн.

Судя по тому, что он переключился в режим решения «что делать со всемогущим папой», катастрофико откладывается. Можно глубоко дышать и считать облачка по пути в магическую зону.

— Возвращаться — куда? — интересуется Люциан. — Где мы вообще?

— Вас выбросило в предместья Аварда.

— Куда?! — на сей раз хором с ним спрашиваем мы.

— Немагические земли. Сведения о них засекречены.

— Какого... — начинает было Люциан, но Валентайн кивает в сторону, в которую мы шли.

— Здесь полдня пути.

Полдня пути. Ну ладно хоть не сутки. Не неделя. И вообще, я хочу домой и поспать. Желательно, не думая больше про Адергайна и про то, что он сотворил с пастухом. Хотя сдается, снится мне эта картина будет очень и очень долго.

Люциан сжимает зубы, но мы все-таки выдвигаемся, и это радует. Теперь уже немагический конфликт сто пудов разрешен, можно и правда считать облачка. Но по дороге можно же поинтересоваться, что это за предместья Аварда.

— Почему здесь нет магии? — спрашиваю я у Валентайн-

на.

Тропинка совсем узкая, поэтому приходится идти гуськом. Валентайн первым, я за ним, замыкает Люциан. Паровозик, блин. Со взрывчаткой.

— Аномальная зона. Такая же, как та, что нарушает работу порталов на землях, где находится алтарь Горрахона. Было предположение, что эти зоны имеют примерно одинаковую структуру первоначальных искажений, и что они каким-то образом связаны между собой, — комментирует Валентайн. Судя по его каменной спине и плечам, он все еще очень напряжен. И очень зол. — Теперь это уже не предположение.

— Я не пойму, почему нужно об этом молчать, — доносится из последнего вагона.

Я мысленно морщусь. Вот тоже не пойму, почему нельзя помолчать и не злить злющего Валентайна?

— Потому что отсутствие магии порождает панику, — резко произносит Валентайн. — Хочешь, чтобы вся страна сходила с ума в предположениях, способно ли это распространиться на магические земли?

— А оно способно? — вырывается у меня.

— Рост зоны остановился примерно три столетия назад. С тех пор изменений нет.

— Чешуябля, — выдает Люциан. Совершенно не подозревая, что последняя часть его слова... она такая... родным повеяло. Но раньше я такого ругательства не слышала, и в

голове проносится мысль: может, его Соня плохому научила? Воспоминания о Соне мигом возвращают в момент, из которого меня выдернуло вчера. Экскурсия, алтарь Горрахо-на, магистры и адепты...

— Там все нормально? — интересуюсь. — Оллихарда удар не хватил? Меня еще не отчислили?

— Не смешно, Лена! — вот сейчас Валентайн натурально рычит, останавливаясь и оборачиваясь так резко, что я влетаю носом в его мундир. Только сейчас понимаю, что он в мундире. В мундире Даррании. Я не успеваю сказать что-либо в свою защиту, в частности, даже то, что мой сарказм — это тоже защитная реакция, а он уже чеканит слова: — Ты хоть примерно представляешь, что произошло? Колоссальный выброс темной магии. Мертвый пастух. Исчезновение наследника Даррании...

— Я не наследник, — хмыкает Люциан. — Мы с отцом по этому вопросу договорились.

Валентайн награждает его убийственным взглядом:

— Ваша договоренность больше не в силе. Ферган снова объявил тебя наследником после ситуации в гарнизоне.

— Как... что?! — Люциан впивается в него взглядом. — Какой ситуации?

— Нападение темных. Мгновенное. Точечное. Выживших единицы, и за их жизнь сейчас сражаются лучшие целители Хэвенсграда.

После слов Валентайна Люциан натурально бледнеет. Я

никогда не видела его таким, хотя у самой волосы встают дыбом от этих слов. Особенно когда Валентайн добавляет:

— В Даррании объявлено военное положение.

Глава 4

Хорошие новости заключались в том, что никто никого не убил и даже не попытался подраться. Еще в том, что мы благополучно добрались до мест, откуда Валентайн открыл портал в Дарранию. Люциан открыл свой и ушел в него один. Он вообще ни слова нам не сказал с той самой минуты, как узнал про случившееся, а на все мои попытки о чем-то поговорить (хотя о чем тут поговоришь?) не реагировал.

Я его понимала. Потому что сама чувствовала себя так, будто я зашла внутрь колокола, когда в него решили позвонить. Валентайн рассказал о том, что они среагировали почти мгновенно, как только он почувствовал прорыв, но подоспевшим войскам и ему спастись уже было особо некого. Гарнизон был разрушен, дальше темные пока не пошли. Почему — скорее всего, потому что это был акт демонстрации силы.

Или отвлекающий маневр. Об этом уже я сама подумала, когда вспомнила свою встречу с Адергайном. Валентайн меня очень подробно о ней расспрашивал, но у меня практически все вылетело из головы. Кроме того пастуха, юкк и явления самого темного лорда, тьфу, Верховного эрда. Мне смутно верилось в то, что Адергайн стал бы устраивать все это ради встречи со мной. Только ради встречи со мной. Скорее всего, Валентайн был прав про демонстрацию силы, а я про-

сто удачно подвернулась как возможность.

Неудивительно, что я чувствовала себя оглушенной. Оглушенной и опустошенной. Потому что, несмотря даже на то, что в городе мы не побывали, переместились сразу в наш дом, а еще на то, что Валентайн снова прикрыл меня от очередного допроса, я все равно смутно представляла, что будет дальше. Военное положение звучало слишком страшно.

Когда мы уходили на эту экскурсию, моей основной проблемой была Ленор. Еще немного Люциан, который не оставлял попыток меня... даже не знаю, как это назвать. Сделать своей, наверное. Сейчас это все отодвинулось на второй план, представив угрозу реального нападения темных, после которого мало кому не покажется. Я слишком хорошо изучила историю, а еще слишком хорошо знала о силе драконов, чтобы понимать: это может обернуться катастрофой.

Если Адергайн реально решит напасть, если драконы снова схлестнутся, как в той исторической войне, используя всю свою реальную силу... Но он же не идиот! Он же должен понимать, что править ему будет нечем. Даже когда мечтаешь о мировом господстве, чувствуя, что у тебя в руках сосредоточены вся власть и могущество, о таком точно забывать не следует. Или он на что-то еще рассчитывает?

Вопрос только в том, на что.

— Надо было спросить, — ехидно подала голос Ленор, когда я сгрызла до мяса ноготь на мизинце.

— Вот знаешь, твои шуточки сейчас вообще не в тему!

— Да мне-то, по ходу, терять уже нечего. Он настолько серьезно настроен, что как только ему понадобится ты, меня сразу отправят вслед за пастухом, ну или распылят, как ту юкку.

— Что, Валентайна уже не боишься? — поинтересовалась я.

— Как по мне, так одна хрен разница.

Когда Ленор начинала говорить как девушка из моего мира, я чувствовала с ней странное и вполне объяснимое родство. Гораздо большее даже, чем далось нам по происхождению. Хотя временами несла она полную чушь. Вот как сейчас.

— Валентайн на нашей стороне, — напомнила я.

— На чьей — на нашей?

— Меня. Тебя. Даррании. Он собирается найти способ, чтобы мы могли...

— Ой да брось, Лена! Он темный! А темные всегда исключительно на своей стороне, такова их природа. — Ленор философски хмыкнула. Почему-то мне представилось, как она сидит в той самой комнате в родительском доме и подпиливает ногти.

— Этот темный защищает то, что, в общем-то, защищать не обязан. Страну, в которой его так до конца и не приняли.

— Не знаю, что насчет конца, — фыркнула она, — по-моему, его как раз приняли хорошо. А в целом Валентайн Альгор защищает то, что считает своим. Дарранию. Тебя. Пока

вы принадлежите ему.

Что. За. Бред!

— У тебя там крыша поехала в заточении? — резко поинтересовалась я.

— Да нет. Я просто предупреждаю, чтобы потом не было мучительно больно.

— Предупреждаешь о чем?!

Ответить Ленор не успела, потому что вошел Валентайн. Я мгновенно поднялась с кровати, на которой просидела, кажется, вечность — так и не притронувшись к еде даже несмотря на то, что не ела уже очень давно. Подбежала к нему. Он выглядел осунувшимся, а еще... темным. Чешуя на скулах проявилась так четко, словно собиралась там остаться навечно, в глазах вспыхивали и гасли черные искры.

Я приподнялась на носочки, коснулась губами его губ, вложив в этот поцелуй всю свою нежность и поддержку. Валентайн ответил так жадно и рвано, словно хотел выпить не только мое дыхание, а меня всю. Потом так же молниеносно отстранился, заключая мое лицо в ладони и вглядываясь в глаза.

— Я представить не мог, что они разрешат экскурсию к алтарю, когда сработал прорыв, — процедил он. — Просто не мог представить. Иначе бы я ни за что тебя не оставил, Лена...

— Там ты был нужнее, — мягко произнесла я. — Со мной все равно ничего не случилось. И, как ты правильно сказал,

представить такое не мог никто.

Оказывается, когда стало известно о прорыве, Валентайн уходил на границу в полной уверенности, что экскурсия отменяется. Но власти решили ничего не сообщать в Академию, больше того — даже не намекнули, и мы всей дружной толпой потопали просвещаться, когда гарнизон уже был разрушен. Справедливости ради, в тот момент они еще об этом не знали, но это, конечно, был полный трюндец. А впрочем, ничего нового. Тогда вышестоящие еще предполагали, что о прорыве можно будет никому не сообщать, зачем лишний раз наводить панику.

Почему-то меня это абсолютно не удивило, а вот Валентайн явно до сих пор был в ярости, поэтому я решила немного его переключить:

— Как усиление границ?

— Сделано. По всей протяженности войска, остальные наготове. Завтра собираемся с Ферганом в Цитадели. Он, его советники, архимаги.

— Ого. А ты сам что думаешь? Зачем это Адергайну? Будет война?

— Я уже ничему не удивлюсь, — произнес он, а потом вдруг судорожно сгреб меня в охапку и прижал к себе. — Не могу даже представить, что позволил ему подойти к тебе близко. Каждый раз, когда думаю об этом...

— Давай не будем об этом думать, — я мягко обняла его в ответ. — Проблемы надо решать по мере поступления, а тебе

сейчас лучше отдохнуть. И мне тоже. И, может быть даже, поесть.

Он вскинул голову и нахмурился:

— Ты до сих пор не поела?

— Только это, — я показала обгрызанный ноготь. — Но с удовольствием поем вместе с тобой, если ты любишь холодное.

Впрочем, ужин оказался коротким и быстрым: мы оба настолько вымотались, что быстро покидали в себя еду, упали на постель и отключились практически сразу же. Я провалилась в темноту без сновидений, глубокую и бесконечную, чтобы вновь вынырнуть в Темных землях. И снова увидеть Люциана.

С изломанными крыльями, с угасающей в невидящих глазах магией.

Люциан Драгон

Иногда жизнь разделяется на до и после. Так случилось, когда мама побежала спасать Сезара. Он видел ее в тот день только за завтраком, и в последний раз. Живой. Он помнил ее застывшие черты, спокойное, умиротворенное лицо, когда на прощание с тэрн-архой Даррании собралась вся аристократия, а обычные люди рыдали за стенами собора. Отец объявил месячный траур, но его траур по матери продолжался гораздо дольше. Который только-только начал развеивать-

ся с появлением Лены.

Теперь он смотрел на умиротворенное лицо Этана.

Странное дело, но после смерти что драконы, что люди, становятся такими спокойными, такими светлыми, словно все лучшее, что в них было, навеки запечатлевается на их лицах. Люциан смотрел на него и не мог отвести взгляд, мимо него ходили, на него смотрели с опаской, он чувствовал. Но не мог заставить себя пошевелиться и отойти, словно сама мысль о том, что ему придется его здесь оставить казалась кощунственной.

Все самое дорогое у него забирала темная магия.

Сначала мать.

Теперь — друга. Десятки тех, с кем он участвовал в построениях в гарнизоне. Кальварен Михт. Парни, с которыми они отжимались на спор, кто больше. Дракон из друзей Амира. За жизнь Сайтанхорда сейчас еще боролись, как ему доложили, но она тоже висела на волоске.

Всех погибших доставили в Хэвенсград (тех, от кого остался не только тлен), а среди выживших целители потеряли уже четверых. Всего этого могло бы не быть, если бы отец прислушался к нему и, в конце концов, отправил лозантирова Альгора совершенствовать защиту и усиливать границу заранее. Если бы он отправил туда подкрепление заранее.

Внутри, в темном клубке глухой скорби рождалась звериная ярость, поэтому когда к нему приблизились со словами: — Тэрн-ар Драгон, тэрн-арх требует вас к себе. Немед-

ленно, — он обернулся, окатив военных таким взглядом, что они мигом подобрались.

— Подождет, — процедил сквозь зубы.

— У нас приказ. Мы вынуждены просить вас пройти с нами, или...

— Или что? — холодно спросил Люциан. Отвернулся, снова вглядываясь в лицо Этана.

Он должен был остаться там. Он бы сумел их сдержать до прихода Альгора. Может быть, не так, как отец, но, по крайней мере, исход был бы совсем другим.

Внутри жгло, пекло, выворачивало. Пришлось сделать несколько глубоких вдохов, прежде чем его отпустило, и он сумел покинуть похоронный зал. Прошел между рядами тех, кто когда-то вместе с ним сидел за столами или стоял в очереди на раздаче еды. Между плачущих родственников: часть военных была из Хэвенсграда, остальным должны были организовать порталы за счет Даррании. К Этану еще никто не приехал.

Военные следовали за ним, но он шел быстро. Этот огонь в груди, который грозил превратить его изнутри в пепел, то вспыхивал плотным пламени, то гас, превращаясь в холодный опасный фитиль ненависти.

Отец дожидался в обычном зале для приемов, расселся там своей монаршей драконовой тушей, взирая на всех сверху вниз.

— Оставьте нас, — приказал через роаран, и всех просто

мигом сдуло за двери.

Мощнейшее Cubrire Silencial накрыло зал, и отец рыкнул:

— Явился, наконец! Уже думал, не дождусь.

— Если бы ты думал, они бы все не лежали там! — вырычал Люциан в ответ.

— Да как ты смеешь...

— Я говорил тебе о том, что там происходит! Ты мог принять меры! Вместо этого предпочел от меня отмахнуться. Это ты все это допустил. Правитель из тебя...

Атаку отца он почувствовал сразу, и даже успел выстроить щит. Но сила Фергана врезалась в него с такой мощью, что отдачей ударило в грудь, его снова швырнуло на пол. От боли потемнело перед глазами, но сейчас рядом не было брата, чтобы за него заступиться. Вот только в этот раз Люциану хотелось лишь одного: ударить в ответ. За Этана. За всех них. За то, что из-за идиотских утаиваний пострадали люди.

Сквозь боль и растущую внутри ярость он собрал все силы и на выдохе прошептал боевое заклинание. Вложив в атаку всю силу движения, голоса и магии. Ферган явно не ожидал: его полоснуло. Толкнуло назад, драконья туша врезалась в стену так, что содрогнулись своды. Камень переговоров отлетел в центр зала к ногам Люциана, который успел подняться. На это, правда, ушли все силы, его разве что не шатало, но выражение морды отца того стоило.

— Никогда больше не смей меня бить, — процедил он. — Или очень сильно об этом пожалеешь.

— Ты мне угрожаешь? — взревел роаран.

— Ставлю перед фактом. — Люциан не удержался и пнул камень с такой силой, что он скрикошетил о стену и прилетел отцу в бок. — Я не изменил своего мнения и наследовать твой престол не собираюсь. Отдавай его Анадоррскому. Сезару. Папочке Аникатии. Да кому хочешь!

Его повело, но он удержался, сделал довольно уверенный шаг. Следом второй.

— Ты станешь наследником! — снова взревел Ферган.

— Мечтай.

— Или я уничтожу Ленор Ларо.

Надо было уйти. Надо было просто выйти за дверь. Пока хватало сил, и пока он мог идти так, чтобы его не болтало из стороны в сторону. Из носа хлестала кровь — от воспитательных мер отца и после мощи ответной атаки, она капнула на пол. Люциан смотрел, как несколько клякс расплылись по холодному мрамору. Такому же холодному, как его голос, когда он ответил:

— Рискнешь перелететь дорогу Альгору, когда он тебе так нужен? Вперед. — Люциан очень старался, чтобы прозвучало равнодушно. Не прозвучало.

— Альгор всего лишь марионетка, он нужен мне только пока мне это выгодно, — не менее холодно отозвался Ферган. — Его девчонка мне и вовсе не нужна. А после случившегося с особенностями ее магии очень, очень просто сделать так, чтобы она оказалась в тюрьме, из которой уже ни-

когда не выйдет.

Впервые в жизни ему захотелось придушить отца. Люциан никогда не испытывал такого чувства: Ферган уже угрожал Лене, но никогда раньше он не угрожал ей так. В прошлую их ссору по поводу престолонаследия он говорил о том, чтобы выслать ее в Мертвые земли. Сейчас же...

— Что ты имел в виду, когда назвал Валентайна Альгора марионеткой?

— Это тебя не касается. Пока, — отец сделал акцент на последнем слове. — Так что подумай над тем, что ты хочешь, основательно, Люциан. И если решишь взять на себя ответственность за свою страну, завтра утром будь готов вместе со мной отправиться на заседание в Цитадель.

— Надеюсь, ответственность за свою страну в первую очередь возьмешь ты, — выплюнул он.

Только оказавшись за дверями, смог вдохнуть полной грудью, прошел мимо застывшей стражи, чьи перчатки облегли древки гард так плотно, словно сливались с ними.

Голова раскалывалась, виски будто зажало в стальных раскаленных тисках, но сквозь эту боль, как ни странно, думалось проще. «Я правитель», — как-то сказал ему отец, объясняя свои мотивы. Что же, если Ферган хочет видеть его своим наследником, придется играть по его правилам. Или, вернее будет сказать, использовать его методы?

Люциан глубоко вздохнул, сдвинул виски и, пошатываясь, направился в сторону лестницы. Сил на то, чтобы открыть

портал даже с помощью виритта, уже не осталось. Завтра он пойдет в Цитадель, как наследник линии Драгон. Завтра же он поговорит с Альгором.

Если речь идет о безопасности Лены, он готов говорить хоть с самим Адергайном. Хоть с Лозантиром.

Потому что допустить, чтобы что-то произошло с ней, потерять ее он не может. Только не ее.

Он никому не позволит причинить ей вред. Ни свету. Ни тьме.

Глава 5

Женевьев

Из кабинета Амильены Эстре Женевьев вышла уже ближе к ночи. Днем ректор побывала везде: в Министерстве образования Даррании, на совете попечителей, который возглавлял Иван Драконов, провела с десятков встреч с родителями именитых адептов.

Ничего удивительного, что им с Оллихардом и Берроузу досталось эхом от того, что досталось самой Амильене. После таких разговоров хочется только одного: лечь спать и ни о чем не думать, а ни о чем не думать вряд ли получится. Учитывая, что надо готовиться к завтрашнему занятию, несмотря на ситуацию в стране. И это не считая того, что отец в приказном порядке требовал ее к себе.

К счастью, его приказы теперь Женевьев могла игнорировать, а вот то, что привычный мир снова, раз за разом рушится — нет. Она думала, что забыть Сезара будет легко, ведь сила и упорство всегда были ее отличительными чертами, но одного взгляда на Софию Драконову, а теперь уже на Софию Драгон хватило, чтобы понять: ничего еще не в прошлом.

Софию ей ненавидеть было не за что, но смотреть на нее спокойно Женевьев не могла. Просто вспыхивала при одном только ее появлении. Старалась не позволять эмоциям брать над собой верх: она ведь училась этому долгие годы, должна

уметь совладать со своими чувствами — но не получалось. И чем сильнее Женестье старалась с ними совладать, тем сильнее они в ней вспыхивали. Горели, не позволяя забыть о том, что теперь Сезар женат на другой.

Что между ними уже давно ничего нет и не может быть.

Возможно, поэтому она не открыла портал сразу же, из порталного зала магистрериума, а вышла в парк. Ночью парящая на высоте Академия казалась осыпанной звездами, они словно искры магии куполом окружали громады замка.

В парке Женестье тоже не стала задерживаться, прошла по дорожке к арке, ведущей к краю земель Академии. С такой высоты было отлично видно Хэвенсград, который сейчас напоминал кукольный город. Большой кукольный город, очень большой.

Терялась внизу темная лента реки, огни города соревновались за красоту и ее внимание со звездами. Женестье приблизилась к самому краю, для нее не составило бы труда прыгнуть вниз. Раскрыть крылья, почувствовать полет, свободу, хоть на краткие минуты парения. Но это было запрещено. Правилами академии, нарушив которые сейчас, она очень порадует отца. Потому что не магистрам нарушать правила. Особенно — не проштрафившимся магистрам.

Женестье как раз усаживалась на траву, когда услышала за спиной:

— Магистр Анадоррская...

И вздрогнула, подскочив и резко обернувшись. Напротив

нее стоял парень: выше среднего роста, темноволосый. Один из ее адептов. Выглядел он так, будто собирался прыгать с этого края, но увидел ее и передумал. Или наоборот, увидев ее, собрался прыгнуть с этого края? Женеьев помнила, что он всегда садился на задние ряды. Странное дело, но при этом она всегда его замечала.

А вот он старался быть незаметным. Очень старался.

Тогда что он здесь делает сейчас? Особенно после отбоя.

— Вы разве не должны быть в своей комнате, адепт? — хотелось бы, чтобы голос звучал строго, но получилось устало.

— Должен, но я просто хотел убедиться, что все в порядке. У вас.

Женеьев изумленно вскинула брови, а он поспешно продолжил:

— Вы не подумайте, просто я считаю, что в случившемся вы совершенно не виноваты. И то, что произошло, не мог предугадать никто. Адепты Ларо и Драгон... они всегда отличались нестандартными решениями. Поэтому я пришел сказать, что вы отлично справились там, на месте.

Если бы были силы удивляться, Женеьев, наверное, удивилась бы. А так только мысленно махнула рукой. Эстре тоже можно было понять, ей влетело на всех уровнях. Несмотря на то, что они понятия не имели о случившемся в мире, их никто не предупредил, крайними всегда остаются вышестоящие. Причем чем выше ты стоишь, тем больше ты крайний.

Это только снизу кажется, что все шишки достаются исполнителям. На самом деле все с точностью наоборот, чем выше должность, чем больше власти — тем выше ответственность. И если не обладая ничем ты отвечаешь только за себя, то становясь тэрн-архой отвечаешь уже за всю страну.

Это знание Женевьев впитала с детства, возможно, именно поэтому так легко справилась с выволочкой от Эстре. Гораздо легче, чем Берроуз и Оллихард, хотя им было вдвойне сложнее. Они мужчины. Мужчинам всегда сложно принимать замечания от женщин.

Подумав об этом, Женевьев улыбнулась. А еще было на удивление приятно услышать слова поддержки. Хотя там, на месте, казалось, что творится какой-то кошмар, ей действительно удалось организовать и адептов, и магистров, явно пребывавших в шоке. Сказался опыт подготовки к будущему замужеству и общение со взрослыми ребятами в приюте. И, несмотря на то, что усилия организованного ей поискового отряда остались тщетными, приятно было все равно.

Очень.

— Благодарю, — тепло отозвалась она, — но все же вам лучше вернуться к себе, адепт. Ректор Эстре сейчас очень скоро на расправу, а вам явно не добавят хорошего настроения штрафные баллы.

— Я мог бы вас проводить.

— Что? — Женевьев переспросила, потому что ей показалось, что она ослышалась.

— Я мог бы вас проводить, — повторил парень, — домой. Если вдруг решите немного прогуляться по Хэвенсграду.

Не ослышалась.

— Это лишнее, — отрезала Женевьев, вот сейчас голос сам по себе стал холодным. — Возвращайтесь к себе. Немедленно. В ином случае я буду вынуждена сообщить, что вы нарушаете правила Академии.

Парень нахмурился.

— Это из-за того, что я... — Он нахмурился еще сильнее. — Погодите. Вы меня не помните, да?

— Разумеется я вас помню. Адепт Лорхорн, второй курс, общий факультет, — отчеканила Женевьев. — Этого достаточно, чтобы сообщить о вашем неподобающем поведении. Вы остаетесь?

Парень неожиданно зло зыркнул на нее, а после развернулся и быстрым шагом направился в арку, ведущую в парк. Женевьев подождала, пока он скроется в темной каменной пасти и последовала за ним. Сил на то, чтобы думать о странностях поведения Лорхорна, уже не осталось.

Лена

В другой раз выходные могли бы пройти совершенно иначе. Но учитывая, что я первый свой выходной бродила с Люцианом по антимагическим землям, которые были строго засекречены в Даррании, а проснулась с таким жутким ощу-

щением, будто снова пообщалась с Адергайном, оставшееся на отдых время как-то уже совершенно не радовало.

Не порадовало даже легкое касание губ Валентайна, его негромкое:

— Лена. — И вся наша спальня в букетах цветов.

Это я обнаружила, когда открыла глаза. Цветов было так много, что от них кружилась голова — видимо, Валентайн позаботился об украшении комнаты, когда я спала. Мне, конечно, было безумно приятно, потому что я никогда не просыпалась среди цветов, но если бы мне не снилось то, что снилось, если бы не произошло все то, что произошло, я бы, наверное, порадовалась. Сейчас же я только автоматически улыбнулась и прошептала:

— Спасибо.

Валентайн нахмурился, и я его понимала. Я бы, наверное, тоже расстроилась, если бы в ответ на мой сюрприз ограничились таким вот «спасибо».

— Все будет хорошо, — произнес он, по своему истолковав мою неразговорчивость. — Я обещаю.

Я кивнула, прижала его ладонь к щеке, наслаждаясь этой короткой лаской. Хватит, Лена, пора возвращаться в жизнь. Иначе Адергайн выиграет быстрее, чем все успеют сказать «ик». Как бы он ни хотел меня использовать, что бы он там ни задумал, чем больше я буду погружаться в эти темные мысли, тем быстрее ему подыграю. Сон — ну так он на то и сон, то, что я увидела у алтаря Горрахона отпечаталось в

моем сознании и вернулось во сне. Хватит об этом думать.

Хватит!

— Мы успеем позавтракать вместе? — уточнила я. — Или тебе уже пора?

— Не только позавтракать, — Валентайн накрыл мои губы своими. Такое странное, забытое чувство... как будто я его не испытывала очень-очень давно. Или вообще делала это впервые. Я сама не поняла свои ощущения, а еще странную, тянущую боль в душе. Как будто от этого поцелуя мне захотелось плакать.

Да что со мной происходит вообще?!

Я ответила на ласку, перебираясь к нему на колени, прижимаясь всем телом. Мне так отчаянно хотелось чувствовать себя живой, чувствовать этот свет, который объединял нас, я так хотела, чтобы он тоже чувствовал это... мою нежность. Мое внимание. Мою любовь.

Сама не заметила, как со скул мои руки переместились к нему на плечи. На реакцию его тела, на твердость между моих бедер, мое тоже отозвалось однозначно. Знакомым ощущением близости, тянущим предвкушением наслаждения, жаром. Не размыкая наших губ, когда его дыхание, кажется, уже становилось моим, а мое — его, я приподнялась и так же медленно опустилась. Чувствуя каждый миллиметр этого проникновения, каждое мгновение, когда он заполнял меня собой до предела.

Я его очень хорошо помнила, и эту сладость, и то, что надо

привыкнуть к его размеру. Первые мгновения. В глазах Валентайна светились черные искры, словно капли из расширившихся зрачков. Чешуя бежала по коже, я чувствовала ее под пальцами. На широкой мощной груди, подушечки даже скользнули по ней.

— Так и должно быть? — гортанно спросила я. Ощущая холод серебряных чешуек, кажется, впитывающийся в меня.

— Да. Я просто слишком много использовал магию, — его голос был хриплым, а зрачки грозили утонуть в клубящейся тьме, — но ты мой свет, Лена. Помни это всегда. Ты — мой свет.

Я задержала дыхание, глядя на то, как в серебристом свечении чешуи сплетаются наши волосы, темное и светлое.

— Я — темная сторона Ленор, — напомнила я.

— К Лозантиру Ленор! — прорычал Валентайн так резко, что я вздрогнула, а после он одним движением опрокинул меня на спину.

Это было больно. Сладко. Грубо и жестко, он брал меня так, как если бы я ему сопротивлялась, но я не сопротивлялась. Во мне не было сил на сопротивление, я просто кричала, царапая ногтями плечи, на которые еще не успела заползти чешуя. Наслаждение на грани боли, когда он врывался в меня резкими сильными движениями. Такое же почти болезненное удовлетворение, а после — повторение, когда меня развернули на живот.

— Хочу тебя везде, — голос Валентайна был низким, как

никогда. На ум пришло сравнение с рокочущим вулканом, а после все мысли вылетели из головы, потому что его пальцы скользнули между моих ягодич. Влажные от меня же, я даже дернулась, когда он с нажимом проник ими в тугое колечко, растягивая. И застонала, когда вторая ладонь заскользила между моих ног.

Мы с ним не первый раз занимались сексом, но почему-то именно этот оказался диким, порочным, звериным. Не считая того, что он никогда не брал меня так... даже не предлагал. Сейчас же, упираясь локтями в неожиданно ставший жестким матрас, полностью перед ним раскрытая, упивающаяся этими бесстыдными ласками, я кусала губы и стонала, падая в эту бездну.

Позволяя ему делать с моим телом все, что он хочет...

Моим... ее... неважно. Как правильно он сказал, к Лозантиру Ленор!

От полного проникновения я закричала. От резкой растянутости сзади, в каком-то смысле это снова был мой первый раз, от напряжения, горячей неудовлетворенности внутри — там, где сейчас двигались его пальцы. Валентайн все делал медленно. Сейчас так медленно, что мне хотелось кричать уже от невозможности влиться в это чувственное удовольствие, которое он намеренно тормозил.

— Быстрее... — хрипло прошептала я, упираясь лбом в скрещенные руки. — Быстрее! Пожалуйста...

Горячее дыхание обожгло шею, кожу спины чувствитель-

но царапнула чешуя. А следом там, где только что была она, прошелся его язык. Чувственно, горячо.

— Скажи, что ты моя, Лена, — потребовал он. — Хочу это слышать.

— Я... — Голос сорвался от издевательски-медленных движений внутри. — Я твоя...

Прошептала еле слышно.

— Громче.

— Я твоя.

— Еще!

— Я твоя! — почти выдохнула вместе со стоном. — Я твоя, Валентайн... хочу тебя. Хочу тебя в себе. Хочу...

Свободной рукой он потянул меня за волосы, заставляя запрокинуть голову. От острого ритма порой темнело перед глазами, но Валентайн явно не собирался быстро меня отпустить. Двигаясь резко сзади, он замедлял движения пальцев, и наоборот. В какой-то момент мне показалось, что я не выдержу, сорву горло или потеряю сознание от этой бесконечной порочно-болезненной чувственной пытки, порой — что умру от оргазма, который меня накроет. В отместку ему сжималась, выгибалась, насколько могла, сдавленно всхлипывала, чувствуя, как отзывается его тело, как с губ Валентайна срывается рваное рычание.

Мгновение напряженной пульсации внутри, его пульсации, и сильного надавливания пальцев на ту самую чувствительную точку — и перед глазами потемнело. Удовольствие

обрушилось с такой мощью, что все, что я успевала — это дышать и чувствовать его волны, превратившее все мое тело в оголенный, дрожащий, бесконечно сокращающийся нерв.

Я бы рухнула на постель — руки стали просто ватными, но Валентайн меня подхватил, усаживаясь и прижимая к своей груди. Мы все еще были слиты с ним воедино, и я содрогалась в его объятиях снова и снова, снова и снова, снова и снова. Пока он ласкал мою грудь, ласкал меня снизу, срывая с губ новые стоны и крики.

Так, если бы просто не мог мной надышаться.

После такого секса ноет все тело. Некоторые места — особенно, но я себя чувствую такой расслабленной, какой не была уже давно. Словно с меня сбросили тяжесть, которую я таскала, как черепашка свой домик. Даже мысли об Адергайне становятся далекими и ленивыми. После душа я вытягиваюсь на постели, вдыхая городскую свежесть, тянущуюся из окна ранним утром. Впрочем, свежесть сейчас — к счастью. Такой жаркой осени еще поискать. Возможно, это непростительно и преступно — быть такой счастливой в такое время, но мне наплевать. Я так устала жить с постоянной оглядкой на темную магию, на присутствие Ленор, на планы Адергайна. Пошел бы он... в свои Мертвые земли.

— Лена. — Голос Валентайна раздается совсем рядом, а после моих губ касается ягода. Я размыкаю веки, чтобы сца-

пать ягоду у него из рук, не забыв прихватить губами палец. У него темнеют глаза, а я, прожевав сочную темно-вишневую мякоть, сообщаю:

— Если ты будешь меня кормить, опоздаешь на свое со-
общение. Или что там у вас.

— Не опоздаю, — он протягивает мне хлеб с тонкими
ломтиками мяса.

— Боже, мне жевать лень, — сообщаю я в пространство.

— Боже?

— Да, у нас так... в общем, в мире, где я жила, тоже есть
Бог. Но его не называют по имени, как вы Лозантира или
Тамею.

Валентайн улыбается, и я улыбаюсь в ответ.

Как мне не хватало таких вот пробуждений!

Почему не хватало, и сама не знаю. Потому что в моих
воспоминаниях у нас таких пробуждений целое лето. Вклю-
чая Эллейские острова, но еще есть ощущение, что все это
не то. Оно как будто из прошлой жизни или из фильма, я
должна помнить эмоции, но я их не помню. То же, что было
сейчас — настоящее. Оно внутри меня. В моем сердце.

Перехватив бутерброд из его рук, усаживаюсь на постели.
В тонком пеньюаре, который ничего не скрывает, и не без
удовлетворения отмечаю в его глазах восхищение. Желание.
Страсть. Как будто между нами не было всего, что было ме-
нее получаса назад. Но я и сама недалеко ушла, от того, как
его взгляд скользит по моему телу, внутри снова рождаются

жаркие волны.

Почему я чувствую себя такой голодной? По нему. Мы будто лет сто не виделись.

Он сам как бог, когда обнаженный. Древнегреческий или древнеримский, хотя сейчас я понимаю, что он — мой персональный темный бог. Точнее и не скажешь. Мне тоже нравится его рассматривать, и когда он одет, и сейчас, когда полностью обнажен.

— Напомни мне, что завтракать лучше в столовой, и желательно в одежде, — сообщаю я ему.

Валентайн же неожиданно смеется. Так легко, что меня саму накрывает каким-то удивительным чувством облегчения. Будто порвалась последняя нитка напряжения внутри.

— Иди сюда, — говорит он, указывая на свои колени.

— Э-э-э, нет. Больше я на это не поведусь.

— Точно? — Он все еще улыбается.

— По крайней мере, сейчас.

Разливаю ранх по чашкам, стоящим на подносе. Протягиваю одну ему. Этот чай, тьфу, ранх, слишком крепкий и у него вкус, как у какого-нибудь земного улуна. Я такие не люблю и, кажется, не покупала и не просила, чтобы покупали — по крайней мере, не помню, чтобы мы раньше пили такое. Тем не менее он сейчас горчит на языке, пробуждая и встряхивая от расслабленного томного оцепенения.

Валентайна будто бы тоже. Он мгновенно становится серьезным, после чего говорит:

— Тебе все-таки придется пообщаться с военными.

— Да я не против...

— Но про встречу с Адергайном лучше не рассказывать.

— То есть как?

— То есть так. Тебя вынесло порталом в сгусток темной магии, ты увидела погибшего пастуха. Уходящего в портал темного. Это все.

— погоди, ты не хочешь, чтобы я говорила правду?

— Я не хочу давать Керуану и Фергану оружие против тебя. Как думаешь, на что они спишут встречу с Адергайном при таких обстоятельствах?

— На то, что у него есть возможность делать все, что он пожелает, и он почему-то захотел увидеть меня?

— Это не смешно, Лена.

— Да я и не смеюсь. Просто со лжи начинаются очень большие нестыковки и очень большие проблемы. — Я замолкаю, потому что сама не сказала ему про Люциана. Про то, что с ним переспала Ленор. Валентайн же мрачнеет так, словно вместо бутерброда проглотил тучу. Или собственноручного отца. Мне кажется, вокруг нас даже темнее становится, несмотря на солнечный день.

Только не говорите, что он снова был в моих мыслях...

— Правда и политика не всегда совместимы, — холодно произносит он, — иногда ложь способна уберечь и принести благо.

Хорошо бы. Я выпихиваю Ленор с Люцианом из мыслей

и возвращаюсь к еде.

Правда, Люциан оттуда надолго не выпихивается. Как назло, вспоминается сон и следом — то, что про Адергайна я вообще-то сказала при нем.

— Я рассказала про встречу с твоим отцом, когда Люциан был рядом.

— Драгон ничего не расскажет.

— Нет?

— Его допрос сегодня сразу после совещания, на котором он будет. Я с ним поговорю.

При мысли о том, что Валентайн поговорит с Люцианом, внутри все напрягается. Я все еще нервничаю, когда эти двое сходятся вместе, возможно, потому что однажды Валентайн приложил его прямо на занятии. И много-много адептов рядом ему не помешали.

— Могу поговорить я, — сообщаю негромко.

Ой, зря.

— Ты мне не доверяешь, Лена?

— Доверяю, конечно, но...

— Но?

— Я все время боюсь, что вы сцепитесь! — выдыхаю. — Вы же оба... горячие драконы, и каждый раз, когда вы сходитесь...

— Мне есть, что делить с этим мальчишкой? — жестко интересуется Валентайн.

— Что? — я вскидываю брови. — Нет. Нет, конечно же

нет!

— Тогда можешь не переживать на этот счет.

А если бы было, что?

Эту мысль я тоже быстро выпихиваю из сознания и тут же интересуюсь:

— Скажи, видение у алтаря Горрахона можно воспринимать как что-то серьезное?

— О каком видении ты говоришь?

— Видение смерти.

Валентайн становится еще более серьезным.

— Чью смерть ты видела, Лена?

— Значит, можно?

— Алтарь и окрестности — аномальная зона. Близкая к антимагическим землям, к тому же. Там возможны и другие аномалии.

— Например, какие?

— Например, временные. Подключение к потоку времени. К возможному варианту развития событий.

Меня определенно радует слово «возможному».

— То есть то, что я увидела, может быть реально, а может и не быть?

— Чью смерть ты увидела? — Он подается вперед, и я брякаю первое, что приходит в голову:

— Сони. Просто... это было так ярко, что я испугалась. Ощущения были такие, будто это уже произошло. А сегодня мне снова это приснилось.

— Вероятностная реальность, — произнес Валентайн, — один из вариантов будущего. Который можно изменить.

— Как?

— Каждый раз, принимая решение, мы делаем выбор. От того, какой выбор мы сделаем, зависит наше будущее.

— Ну это логично. Но есть ли какой-то способ повлиять на случившееся... тьфу, на то, что должно случиться, более конкретно? Например, зная, как поступить сейчас, чтобы этого не произошло.

— Пока нет каких-то дополнительных фактов — вряд ли.

— А дополнительные факты — это...

— Это когда светлые, например, начинают видеть призраков. Для них это знак приближения смерти, для меня — факт. Лена, — он взял меня за плечи и заглянул в глаза, — клянусь, Адергайн никогда больше к тебе не приблизится. Ни к тебе, ни к твоей подруге. Я обещаю вас защитить. Что бы ни произошло, что бы ни творилось вокруг, ты у меня всегда будешь на первом месте. Она — рядом с тобой.

Я глубоко вздохнула, а Валентайн произнес:

— Проблему с Ленор мы тоже решим. Сейчас немного разберемся с тем, что устроил Адергайн, и я вплотную займусь этим. Тем более что я нашел способ разделить вас так, чтобы никто не пострадал.

— Так — это как? — уточнила я.

— Мы сделаем временное разделение, о котором говорила Эвиль, а после я создам для Ленор новое тело. На осно-

ве твоего. Того, в котором ты сейчас находишься. Это древний и очень мощный ритуал, за который не брались со времен первого эрда, но это единственный способ нормально вас разделить. Не навредив ни тебе, ни ей.

— Но это же...

— Это темная магия, да, — хмыкнул Валентайн. — Но я справлюсь. Я сделаю все, чтобы ты была счастлива.

Глава 6

Люциан Драгон

— Мы должны ответить, — произнес Иван Драконов.

Папаша Софии никогда не вызывал у него приятных чувств, а сейчас особенно. С другой стороны, собственный папаша приятных чувств тоже не вызывал, так чему удивляться. Хотя бородатый масштабный мужик интересовал его гораздо меньше, чем сидевший справа от Керуана Валентайн. Вот вроде бы Верховный архимаг — не он, а выглядит совершенно наоборот. Даже концентрация внимания вся на нем. Чуть ли не больше, чем на Фергане.

Ферган, явно желая покрасоваться силой, в очередной раз явил миру свою проекцию. Которая восседала рядом с Люцианом, излучая властность и снисхождение одним своим присутствием.

— Если оставить все как есть, мы не сможем смотреть в глаза дарранийцам, — продолжал Драконов. — Равно как и дадим Адергайну понять, что он может повторить подобное в любой момент.

— А у вас есть, что ему противопоставить? — Голос Альгора прозвучал как удар боевого хлыста.

Драх его знает, почему Люциан сейчас вспомнил именно его. А еще то, как чуть не ударил им Лену. Ударил бы? Он даже в страшном сне такое представить не мог. Но тогда, ко-

гда эта магия дрожала на его пальцах...

Он снова перевел взгляд на Валентайна, на котором теперь скрестились все взгляды. Очень пристальные. Изумленные, гневные, раздраженные. И все — от архимагов, отец демонстрировал свое непробиваемое снисхождение.

— Вы считаете, что мы не способны дать темным отпор? — резко поинтересовался Керуан, явно боявшийся, что обосрался перед Ферганом.

— Я считаю, что нужно как минимум представлять, что мы можем ему противопоставить, — безапелляционно произнес Валентайн. — По-хорошему, не только представлять, но и собрать этот резерв. Бросить его весь на Мертвые земли. Оставив неприкрытым собственный тыл. Мирные города, гражданских, да и военных в том числе. Всем прекрасно известно, что резервы темных находятся в самой глубине Мертвых земель. В самом их сердце. Чтобы пройти туда, придется пролить кровь сильнейших, как я уже сказал, оставив без защиты беззащитных. Вы это предлагаете, Драконов?

Иван побагровел. Так, что его плотный воротник, казалось, сделался уже и начинает его душить.

— Мы не имеем права просто стерпеть это... — начал было он, снова повернувшись к остальным, но его перебил Ферган:

— Не стерпим. Но в данном случае я согласен с архимагом Альгором. Чтобы напасть на гарнизоны темных, нам придет-

ся собрать лучших из лучших и бросить их в самое сердце Темных земель. Адергайн прекрасно это знал, и он продемонстрировал нашу уязвимость. Для всех. Как для своих воинов, так и для дарранийцев. Но это не значит, что мы позволим подобному повториться. Все необходимые меры безопасности приняты, все посты усилены. К границам стянуты лучшие войска, которые находятся в полной боевой готовности. Усилены патрули в ближайших ко вражеской территории городах, готовность порталной эвакуации — мгновенная.

С чего бы отец решил поддержать Валентайна? В ушах еще звучали его слова «Валентайн Альгор — марионетка». Что еще Ферган не договаривает? Что он затеял? После бессонной ночи (вчера так и не удалось заснуть) голова была мутная. Люциан не мог перестать думать про Этана, про тех, что уже никогда не вернутся. Постоянно возвращался мыслями в прошлое и думал — смог бы что-нибудь изменить, остаться он там? А потом думал про Лену. Про то, как она бросилась к Альгору. Вот что в нем такого, что ему она прощает абсолютно все? Даже трах с Ленор на протяжении половины лета!

С каким-то болезненным чувством Люциан продолжал смотреть на Альгора, и тот, наконец, посмотрел на него. В упор. Глаза в глаза.

— Я настаиваю. Какой-то ответ должен быть, — снова произнес Драконов. — Возможно, выставить ультиматум.

Пусть отдадут тех, кто участвовал в нападении на гарнизон, или...

— Или вы объявите Адергайну войну? — устами Альгора прозвучало издевательски.

— Архимаг Альгор! — снова резко произнес Керуан.

— Я предлагаю переговоры. На нейтральной территории. — Люциан осознал, что произнес это, только когда в зале для переговоров воцарилась тишина. Только хлопнул синий флаг под порывом ветра из распахнутого настежь окна.

— Переговоры с темным? — изумленно приподнял брови Андрэ Сималон. Он заступил на место Равена не так давно, и явно с подачи Драконова. Потому что даже на сегодняшней встрече постоянно смотрел ему в рот.

— Один из них сидит рядом с вами, — насмешливо произнес Валентайн. — И, как вы могли заметить, со мной вполне можно вести переговоры. Если Адергайну есть что сказать, он придет. Если нет — мы узнаем хотя бы об этом.

— С ним не о чем говорить! — чуть ли не взрычал Драконов.

— С вами тоже не всегда интересно, Иван, — спокойный голос Валентайна прозвучал, как падение могильной плиты.

— Я согласен с сыном, — произнес Ферган. Его проекция сдвинула брови, роаран на столе прозвучал чуть громче обычного. Тэрн-арх явно был недоволен тем, что инициатива принадлежит не ему.

Альгор же снова взглянул на Люциана в упор, но теперь

уже совсем по-другому. Гораздо более пристально.

— Этот разговор должен состояться, чтобы мы могли дать комментарии. Достоверные комментарии, все объяснить тем, кто сейчас напуган. Поверьте, военное положение никому еще никогда не добавляло оптимизма. Переговоры можно провести на Золотых островах.

— На землях драконов? — изумился Керуан.

— Да, официально Золотые острова не входят в состав Даррании. Лучшего места не найти.

Земли, куда уходили решившие принять звериный облик драконы, действительно считались нейтральными. Жили на тех островах исключительно дарранийцы в драконоформе, но в отличие от тех же Эллейских островов, они более не связывали себя и свои территории обязательствами. Гостей принимали охотно, сами же предпочитали оставаться там. Говорят, многие смогли повторно завести семьи или же улета-ли целыми семьями. Малыши в таких парах рождались уже дракончиками.

Драконов собирался еще что-то сказать, но Керуан остано-вил его повелительным жестом.

— Мои службы свяжутся с Золотыми островами, — произнес Ферган. — На вас, договоренность с Адергайном Ни-ихтарном.

Он говорил с Керуаном, но смотрел на Альгора. Неудиви-тельно.

— Сроки: до конца следующей недели. Траурной недели.

— Тэрн-арх поднялся, давая понять, что встреча завершена.
— Обо всех этапах переговоров докладывайте мне лично.

Отец выглядел как-то ну очень расслабленно. Словно только и ждал этого всего, чтобы... чтобы — что?

Вслед за ним начали подниматься остальные. Злой как стадо драхов Драконов, Керуан, поспешивший следом за отцом. Сималон побежал за Драконовым, а вот Альгор... Альгор не спешил уходить. Напротив, поднявшись, смерил Люциана тяжелым взглядом и кивнул:

— Поговорим.

— Поговорим, — отозвался Люциан, поднимаясь. Странное дело, он хотел побеседовать с Альгором перед допросом о случившемся, а тот, оказывается, тоже хотел.

В Цитадели, во Дворце правления людей Люциан был впервые, поэтому сейчас не удержался от того, чтобы окинуть беглым взглядом коридор, по которому они шли. Просторный, широкий, расстилающийся ковровой дорожкой, начищенной и пахнущей свежестью, а еще позолоту. Она здесь была повсюду: в чашах настенных светильников, где осенними и зимними вечерами, должно быть, пляшут магические огни. Вдоль стен, на ручках, в оформлении люстр.

Драконы меряются золотом магии, а люди — его блеском. Почему-то циничная мысль пришла в голову в тот момент, когда Валентайн распахнул дверь в свой кабинет. Золота мигом стало меньше. Точнее, его вообще не стало. Как и света. Портьеры были задернуты так плотно, что самое время ло-

житься и подышать от тоски.

— Садись, — Валентайн кивнул ему на кресло. Сам занял свое и сцепил руки на уровне лица. Альгор прошептал заклинание, и комнату на миг заволокло тишиной, как в толще воды.

He Cubrire Silencial. Что-то темное. Но схожее по действию.

— Большинство заклинаний возникли в Эрде изначально, — словно прочитав его мысли, произнес Альгор. — Cubrire Silencial — слабая, уязвимая вариация.

— Учту, — произнес Люциан, пропустив мимо ушей снисходительную шпильку темного. — Так о чем ты хотел поговорить?

— Сегодня во время допроса тебе лучше молчать о встрече Лены и Адергайна.

Это прозвучало как угроза или приказ. С другой стороны, Альгор разговаривал так со всеми в принципе.

Что она в нем нашла?

Или с ней он другой?

Ревность вцепилась в сердце зубами, когда Люциан с каким-то извращенно-болезненным чувством представил, как рука Альгора, сейчас покоящаяся на столе, отводит волосы с ее лица. Или, что еще хуже, скользит по ее обнаженному телу. Касается ее... везде.

Он сцепил зубы и посмотрел темному прямо в глаза.

— Ты сам понимаешь, чем это может для нее обернуться,

— соизволил продолжить тот. — Особенно в сложившихся обстоятельствах.

— Я никогда не наврежу Лене, — ответил он.

Глаза Альгора опасно сверкнули, но больше тот ничего не сказал. Собирался убрать заклинание, когда Люциан произнес:

— Поэтому я хочу предупредить тебя о планах отца. Он использует тебя. Ради чего — непонятно, но все, что касается тебя, касается и ее тоже. Не представляю, что он имел в виду, просто будь внимателен. И береги ее.

С тем же успехом можно было глотать раскаленные гвозди. Он до сих пор не мог смириться с тем, что Лена просто забыла все. Все эти месяцы с Ленор, все то, что произошло... но это, наверное, к лучшему. Если она смогла отпустить эту боль, это же хорошо. Для нее. Он должен радоваться. Но радоваться не получалось, наоборот.

Внутри словно все разъедало. Темной магией.

«Я не могу отдать ее ему. Не могу от нее отказаться».

Она не игрушка. Только ей решать.

Все это настолько рвало на части, что Люциан поднялся и поспешно направился к дверям. Чтобы услышать ударившее в спину:

— Драгон. Спасибо.

Он даже не обернулся. Сердце словно превратилось в кипящий сгусток, который плавился и собирался воедино, снова и снова. Он с трудом удержался, чтобы не садануть в стену

кулаком, как делал это в том домике. Губы до сих пор хранили вкус того поцелуя. Настоящего. Не поцелуя Ленор.

Это Лена его целовала.

Лена тянулась к нему.

Ее тело отзывалось на него, а она несла какую-то чушь про Ленор! Какого драха!

Он снова глубоко вздохнул. Глубоко выдохнул. Может быть, она права. Может быть, потому что нельзя так целовать одного и быть с другим. Отдаваться другому. Позволять выпивать себя до края...

Люциан зажмурился, снова несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, сбрасывая напряжение, и только после этого направился дальше по коридору.

Глава 7

Лена

Сидя в доме у Макса, я сгрызла почти все ногти до корней. С таким даже в местные салоны красоты идти стыдно, но я как-то задумалась. Про Адергайна и все такое. Учитывая, что Макс тоже был хмурый, потому что Алина на него за что-то обиделась, а ночевавший у него Ярд едва ли пару слов сказал за все время нашего общения, выдергивать меня из мыслей было особо некому. Вот я и думала. Всякое. Про вероятностные реальности, в одной из которых Люциан умирал. Как ни старалась, не могла выкинуть это из головы. Ни разговор с Валентайном, ни свой сон. То, что брат был не в духе, тоже не добавляло нашему общению дружелюбия.

— Я чуть с ума не сошел. Из-за тебя, — заявил он, сурово сдвинув брови. — Тебе же сказано было — никуда не отходить. Кой драх тебя понесло скакать по траве, как юкку?

Ну знаете ли...

— Потому что я у алтаря увидела кое-что!

— Голую задницу Оллихарда? — зло хмыкнул брат. — Это все равно не причина!

Я даже язык прикусила, чтобы не рассказать, что именно я видела, но поняла, что не готова. Во-первых, мне сейчас показалось, что если я это озвучу, оно станет более реальным. А во-вторых, с Макса станется явиться с таким к Люциану.

Тогда это станет еще более реальным, потому что ничто так не приближает смерть, как осознание этой самой возможности.

А я? Что я? Я должна ему рассказать? Имею ли я право не рассказывать, даже если это просто вероятность?

— Ленор! — рывкает Макс. — Ты меня слушаешь?

— Слушаю, — отвечаю я. — Только тон сбавь.

— Обязательно. Как только ты объяснишь, что на тебя на-
шло.

— Я уже сказала. Видение с темной магией меня напугало, мне надо было побыть одной. Потом меня вышвырнуло в земли без магии, и я очень долго шла.

— Вы, — поправляет брат. — Вы с Драгоном очень долго шли. Потом Валентайн провалился к вам в портал, и вы не успели до него добежать. Чудесная история!

— Какая есть, — огрызаюсь я. Мне уже начинает надоедать, что Макс цепляется ко мне из-за этой курицы, которой от него нужны только деньги. Тьфу, только магия.

— Мне кажется, что ты от меня что-то скрываешь.

— Тебе кажется.

Ярд скептически хмыкает.

— Да отстань ты от нее. Сейчас все на нервах.

— Тебя не спросили! — почти рычит Макс.

— То, что твоя девица не получила очередной подарочек и надулась — еще не повод рычать на остальных.

— То, что твоя девица тебя вообще не вспомнила после

совместной ночи — еще не повод говорить мне, что я должен делать!

Ярд вскакивает. Я его в жизни никогда таким не видела: злым, кулаки сжаты.

— Еще одно слово, и...

— И? — интересуется Макс, поднимаясь и шагая к нему.

— И я полью вас водой, — сообщаю я. — Пойдете переодеваться и сушиться.

Брат зло зыркает на меня, так зло, что мне полагается втянуть голову в плечи и притихнуть. Вместо этого я поднимаюсь тоже:

— Я пришла к тебе, потому что ты мой самый близкий и родной человек. Чтобы тебе рассказать все первому. Если у тебя плохое настроение, настолько плохое, что тебе не до меня и ты срываешься на лучшем друге, просто скажи, и мы побудем где-нибудь в другом месте.

Макс собирается ответить что-то резкое, но первым говорит Ярд:

— Отличная идея! Я, пожалуй, пойду.

Он выходит из гостиной так быстро, что нас окатывает порывами воздуха.

— А ты что стоишь? Можешь идти. Следом за ним, — сообщает братец. — Собиралась же.

Мне бы и правда уйти, вместо этого я приближаюсь к нему и кладу руки ему на плечи.

— Я очень рада, что все обошлось. И что сейчас я могу

просто стоять рядом и говорить с тобой. Обещаю больше не скакать по траве, как юкка, и не заставлять тебя волноваться.

Брат все еще хмурится, но постепенно складка на его лбу начинает разглаживаться.

— Я, между прочим, глава семьи, — серьезно произносит он. — И я несу за тебя ответственность. Имей это в виду, Ленор. Не прощу себе, если с тобой что-нибудь случится.

Я улыбаюсь и обнимаю его, и, хотя Макс напряженный, как каменная глыба, отталкивать меня он не спешит. Наконец даже обнимает в ответ.

— Я тоже тебя люблю, — говорю я. И это чистая правда.

Год в этом мире подарил мне больше друзей и близких, чем вся моя жизнь в том, который я считала своим. Возможно, дело в том, что он никогда моим не был, так меня и не принял. А может быть, я просто где-то в глубине души знала, что все так или иначе закончится здесь, поэтому особо ни к кому не привязывалась. Ни к кому, кроме Сони, и к ней я тоже обещала сегодня зайти.

Еще я обещала ей помочь увидеть маму. Но, учитывая, сколько Валентайн уже для меня сделал и что еще собирается сделать, я просто не вправе просить об этом его. Каждое взаимодействие с темной магией, особенно такое — это шаг на пути в пропасть, и я не могу подталкивать его к ней своими руками. Возможно, Соня была права, когда говорила, что я могу сделать это сама. И если я действительно такое могу, почему бы не попробовать. Главное, все осторож-

ненько узнать про этот ритуал. Осторожненько и так, чтобы не узнал Валентайн. От одного раза вряд ли произойдет что-то страшное, а я помогу подруге. Лучшей подруге, которая оказалась в этом мире из-за меня.

Тэйрен Ниихтарн

— Зачем ты это сделала? — Глаза Хааргрена метали пламя. Временами Тэйрен начинало казаться, что оно сейчас просто польется сквозь его радужку, такое же всежигающее, как огонь, что течет в земных недрах. Но о своем решении она не сожалела, сожалела лишь о том, что не получилось. Потому что если бы получилось, сейчас бы рвал и метал братец. О-о-о, да! На это бы она посмотрела. На то, как рушатся планы великого Адергайна из-за напавших на его девчонку бьяниглов.

Бьяниглы поддаются дрессировке. Их можно обучить. Направить. Даже странно, что раньше ей не приходило такое в голову. Возможно, просто раньше Тэйрен очень хотела жить, сейчас же ей стало плевать на опасность. Защитить сына от Адергайна можно одним-единственным образом: разрушив его планы.

— Захотелось, — Тэйрен пожала плечами. В цепи ее больше не заковывали, хотя в покоях закрыли. Они с Хааргреном оба прекрасно знали, что такой замок для нее не помеха, но они же оба прекрасно знали, что он найдет ее везде. Бежать

от него — только время тратить. Время и силы.

— Захотелось?! — прорычал Хааргрэн. Шагнул к ней вплотную, но Тэйрен даже бровью не повела. Лишь коснулась пальчиком натянутой в броню чешуи скулы и усмехнулась, когда жесткие пальцы перехватили, сдавили ее запястье.

— Ой.

Хааргрэн руку не убрал, но хватку ослабил. Тэйрен облизнула губы: сегодня почему-то особенно остро хотелось его провоцировать. То ли дело было в том, что она привыкла к их странному болезненному противостоянию, то ли ей просто стало скучно. Она бы поставила на второе.

— Накажешь меня? — улыбнувшись, прошептала она, шевельнув пальцами в тисках его захвата. — И что ты делаешь на этот раз? Трахнешь меня при своих слугах? Соберешь всех, выставишь рядами, и трахнешь? Высечешь плетьюми? Убьешь?!

По живой, нетронутой чешуей части лица Следопыта прошла судорога. Он разжал пальцы, и Тэйрен поднесла руку к губам, скользнув кончиком языка по пылающему следу захвата.

— Я не смогу тебя защитить, Тэйрен, если Адергайн узнает о твоих попытках убить эту девчонку.

От неожиданности она даже замерла. Замерла, а потом расхохоталась: настолько дико и противоестественно прозвучало это его «защитить».

— Обойдусь, — хмыкнула она.

Опустила руку и отошла к окну, рассматривая бесконечные пустоши Мертвых земель в арочном проеме. Когда-то она думала, что этот мир не для нее. Когда-то верила, что мужчина, которому она отдала свое сердце, никогда от нее не откажется. Будет любить ее вечно.

Ну что ж, наивность отлично лечится предательством и болью. Разлукой с сыном, изгнанием и забвением. Нет, такой ошибки она больше не повторит. Доверять можно только себе. Особенно — в Мертвых землях. Хотя что земли брата, что Даррания, не так уж они и отличаются. А их правители стоят друг друга.

— Если эта девчонка так нужна Адергайну, — неожиданно произнес Хааргрэн, — не лучше ли понять, для чего? Чтобы использовать ее в своих целях.

Второй раз он застал ее врасплох, только в этот раз Тэйрен обернулась, насмешливо прищурившись:

— Кого? Девчонку, которую мой брат может размазать по щелчку пальцев?

— Может, — невозмутимо ответил Следопыт, — но до сих пор не размазал.

— Просто потому, что она ему нужна для каких-то своих целей.

— Ты никогда не думала, для каких, Тэйрен? Почему именно она?

— Думать об обычной человеческой девчонке? — она

вздернула бровь.

— Вот именно. Обычная человеческая девчонка. Каких сотни...

— Не совсем сотни. Именно эта завязана на Рэнгхорне. Она нужна ему, чтобы вернуть сына. Чтобы обратить его ко тьме, которой мой драгоценный племянничек так упорно сопротивляется.

— Предположим. Но что, если за этим стоит что-то большее? — Хааргрэн приблизился к ней, уперся локтем в стену над ее головой. — Что, если Рэнгхорн — это только часть плана? Если ему нужна именно она. Она сама.

С губ Тэйрен сорвался смешок.

— Я, конечно, понимаю твою одержимость людьми и их значимостью, Хааргрэн. Но это точно не про моего брата.

— Сколько времени ты провела рядом с Адергайном? — перебил он, пропустив мимо ушей шпильку про его слуг и отношение к ним. — В общей сложности пару лет? Когда вас вместе выводили показать двору или когда он демонстрировал тебе свое превосходство?

Слова достигли цели: Тэйрен скривилась. Обиднее всего было то, что Хааргрэн прав. Он проводил рядом с ее братом гораздо больше времени, чем та, что одной с Адергайном крови. Правящей крови.

— А я всю жизнь. Почти всю, — припечатал он. — И если твоя цель по-прежнему та же, присмотришься к этой девчонке повнимательнее. Что-то мне подсказывает, что совсем скоро

она окажется в Мертвых землях и отнюдь не в качестве гостя.

На этот раз Тэйрен нахмурилась. Слова Хааргрена больше не казались полной бессмыслицей. Больше того, она вдруг задумалась — а что, если он прав? К бесценным, очень нужным вещам не относятся так, как Адергайн относился к этой девчонке, но если бы он показал свой к ней очевидный интерес, убереечь ее было бы гораздо сложнее. А так есть Рэнгхорн, который любому за нее голову оторвет, и до поры до времени он ее хранитель. Но что будет потом? Зачем эта Лена нужна брату на самом деле?

— Вижу, ты задумалась. Хорошо, — Хааргрэн легко оттолкнулся от стены. — Продолжим этот разговор, когда будешь готова.

Со свойственным ему превосходством, он развернулся и направился к дверям.

— Не боишься, что этот разговор я передам Адергайну? — зло выплюнула она.

Хааргрэн обернулся. Уголок его губ дернулся ввысь, а после тут же вернулся на место.

— Я ничего не боюсь, Тэйрен. А вот ты снова стоишь перед выбором: чьей смерти и унижения ты хочешь больше? Моей? Или его?

Он вышел, хлопнула дверь.

Которую на этот раз никто не запер.

Глава 8

Лена

В столовую я утром не попала, а в аудитории сегодня царил непривычная тишина. Даже любители пообщаться и поперекрикиваться сидели тихо. Соня уже была на месте, и, заметив ее, я помахала рукой. Она ответила на приветствие, и, пока я поднималась к четвертому ряду, заметила, что ни Ярда, ни Люциана нет. Почему-то последнее особенно сейчас нервировало. Умом я понимала, что из Даррании ему никуда не деться, но что-то внутри все равно неприятно дергало. В частности, потому что сегодня сон повторился, впору хоть проси зелий каких. Расслабляющих. Может, у меня психологическая травма после встречи с алтарем Горрахона и Адергайном? А точнее, пусть это она и будет. Пожалуйста.

— Ты что такая нервная? — спросила Соня, когда я села рядом. — Все еще переживаешь из-за антимагических земель?

У-у-у, если это все так навскидку заметно, боюсь даже представить, что дальше будет.

— Ну да. Можно и так сказать. Не каждый день оказываешься без магии в мире, где все делается с ее помощью.

Я не сказала про видения даже ей. Не сказала и про Адергайна, но Соня, кажется, не особо стремилась узнавать подробности моего провала в непонятные края. Она очень об-

радовалась, когда я сказала, что займусь ритуалом сама, вот и сейчас первым делом сжала мою руку:

— Когда мы сможем начать?

— Мне нужно добраться до записей Валентайна. Попросить его дать их мне так, чтобы не вызвать подозрений, — вспомнив наш с Ярдом предыдущий эпик фейл, я поняла, что не решусь повторить эту невыполнимую миссию, даже если Валентайн мне откажет. Ну а с другой стороны, с чего ему мне отказывать? Я уже придумала, что сказать: хочу познать то, что живет во мне. Не думаю, что это звучит подозрительно, особенно учитывая наше с Ленор разделение на «светлый-темный». В конце концов, я могу делать это при нем, так вообще никаких вопросов не будет.

Вчера мы просто не успели поговорить: он опять ходил на границу, проверять, что там и как по всей линии, а когда вернулся, огорошил меня новостью про переговоры с Адергайном. Разумеется, рассказывать об этом было никому нельзя, и я была искренне благодарна, что он со мной поделился. Когда-то мы пообещали доверять друг другу во всем и всем делиться, поэтому такая откровенность значила очень и очень много. Мог бы ведь и не говорить — государственная тайна и все такое, а он... Словом, вчера было вообще не до темных материй. Как бы парадоксально это ни звучало: в последнее время, что в моей, что в его жизни их и так было слишком много.

— Хорошо, — нетерпеливо произнесла Соня. — Сегодня

доберешься?

У меня возникло ощущение, что она поселилась в каком-то другом мире, в котором не происходило всего того, что произошло. Хотя вчера, когда я пришла к ней, узнала, что Сезар у Фергана, и что там тоже происходит что-то серьезное. Но обо всем этом подруга сказала в двух словах, между делом. Ощущение было такое, что исключительно для того, чтобы я отстала, не лезла со своими вопросами про Сезара.

— Постараюсь, — ответила я, стараясь не раздражаться. В конце концов я прекрасно знаю, через что Соня прошла и проходит до сих пор.

Не представляю, если бы я забеременела после насилия, как бы я себя вела. Наверное, встреча с мамой для меня была бы тоже важнее всего. Уж точно хотелось бы на ручки и подальше от этого всего.

— Постарайся, пожалуйста, — она заглянула мне в глаза. — Ты же знаешь, как для меня это важно.

— Знаю, — я вернула ей серьезный взгляд, — и именно поэтому выполняю свое обещание. Просто не дави на меня, хорошо. Ты же знаешь, что такое темная магия. Для этого нужно время.

— Знаю. Конечно знаю, — Соня ободряюще улыбнулась и сжала мою руку. — Я тебе верю, Лен. Кроме тебя у меня здесь никого нет.

Это «никого нет» резануло ножом по сердцу. Отчасти по-

тому, что я сама себя здесь так чувствовала долгое время. До того, как вновь обрела ее. До того, как разрешила себе быть с Валентайном и поддаться этому чувству. До того, как начала по-настоящему общаться с Максом и узнала, что он вообще-то на самом деле мой брат. До того, как Люциан...

А вот это лишнее.

Я зачем-то оглянулась, но Люциан не заходил. Это я точно знала, не просочился же он порталом сразу на верхние ряды. Зато в распахнутые створки внезапно влетел Ярл, растрепанный, взмыленный и вообще такой, будто проснулся буквально пару минут назад. Он успел буквально за мгновение: рычание возвестило о начале пары, следом широкими шагами в аудиторию вошел магистр Холл. Обще-магический теоретик, как я его называла, поприветствовал нас, за ним вошла ректор Эстре.

Сегодня ее огненно-рыжие волосы выделялись особенно, на фоне черного костюма и такой же черной блузки, воротник которой был подхвачен черной же брошью. Я рассмотрела ее только благодаря сверкнувшему в лучах солнца черному камню.

Магистр тоже был в черном. Нас, адептов, в черное не заставили одеваться, оставили прежнюю форму. Но сейчас ректор Эстре, окинув нас взглядами, первым делом произнесла:

— Новой недели, адепты. Все вы знаете, что в Даррании объявлен траур. Те, кто погибли, защищая наши границы и

пресекая предательскую атаку темных, навсегда останутся в наших сердцах.

— А ей точно стоит быть среди нас? — поинтересовалась Аникатия, сверкнув взглядом в мою сторону.

Ректор Эстре пригвоздила ее коротким:

— Все, кто здесь находится, имеют право здесь быть наравне с вами, адептка. В следующий раз за попытку меня перебить вы получите отработку. Сейчас же позвольте вернуться к тому, о чем я говорила. — Она обвела взглядом наши ряды. — В честь траура на все его время пламя магии в ваших значках будет приглушено. Покидать территорию академии произвольными порталами запрещено. Только с моего письменного разрешения или общими. Тем же, у кого здесь есть комнаты, настоятельно рекомендуется находиться на территории без лишних перемещений до особого распоряжения. Все понятно?

— Все, — недружно ответили еще больше притихшие все.

— В таком случае сейчас я приглушу ваши значки.

Ректор успела только поднять руку, когда дверь распахнулась, явив миру и всем собравшимся Люциана. С темными кругами под глазами, переполненными золотой магией сверх меры.

— Адепт Драгон, — ее голосом можно было убивать без всякой магии, что расчетно-контурной, что заклинательной, — потрудитесь объяснить свое эффектное появление.

— Проспал, — коротко сообщил Люциан.

По аудитории, даже несмотря на всеобщее настроение, пронеслось несколько смешков.

— Чудесно. В таком случае вы прямо сейчас отправляетесь в мой кабинет, досыпать. Что касается остальных, считающие это смешным, поднимитесь.

Разом стало тихо. Очень-очень тихо. Настолько, что будь здесь муха, ее бы слышали все.

— Мне повторить или лично подойти к каждому смельчаку?

Начались неуверенные подъемы. Среди поднявшихся была Лиллея, из бывшей компании Люциана.

— Будете стоять до конца пары, — припечатала ректор, — чтобы академия знала героев, считающих смешным столь потребительское отношение к дисциплине, особенно на фоне всего того, что случилось.

Дальше она разглагольствовать не стала, махнула рукой — и значки на наших лацканах и правда погасли. Почти темно, те остаточные искорки магии, что в них были, сейчас едва тлели.

Вообще магия в значках адептов зажигалась автоматически, на первой паре первого курса, потому что этот дракончик представлял собой артефакт. Он связывался с внутренним резервом мага, и с помощью расчетно-контурной магии высекал пламя нужного цвета. Значки оставались с нами на протяжении всего обучения, от первого и до последнего дня. За потерю обещалась звезда, в смысле, полная звезда.

В Академии были случаи, когда значки не зажигались: это означало, что внутренний резерв адепта недостаточен, чтобы учиться здесь. Даже несмотря на все тестирования и успешные испытания, в таком случае его отчисляли.

Я успела посмотреть на Люциана, а вот он на меня не смотрел. Вышел вслед за ректором, дверь захлопнулась. Магистр Холл явно чувствовал себя не в своем гнезде, потому что нервно провел рукой по светлым волосам, откашлялся и произнес:

— Что ж, адепты, я рад видеть вас всех снова. Это наш второй и последний совместный год, и мы приступаем к углубленному изучению общей теории магии...

— Сестренка сегодня совсем не в духе, — донеслось до меня сзади.

Я обернулась на знакомый голос: эту бесценную информацию Лика сообщила сидевшей рядом с ней однокурснице. На меня же она посмотрела как-то насмешливо, а после и вовсе отвернулась. Я решила не разбираться в ее мотивах и вернулась к занятию, хотя из головы почему-то не шел Люциан. Он выглядел так, будто не спал всю ночь, а еще только и делал, что практиковался в магии. С какой радости меня вообще это волнует?!

— Ленор, — шепнул Ярд осторожно. Очень-очень тихо. — А что бы ты делала, чтобы завоевать понравившуюся девушку?

Я изумленно на него посмотрела, во-первых, потому что

до настоящего дня он избегал говорить со мной на эту тему. Я до сих пор не представляла, кто эта загадочная девушка, которая ему так нравится и которая, как спалил Макс, даже его не узнала после... гм. А во-вторых, он на все эти темы советовался с моим братом. Видимо, те слова брата Ярда здорово зацепили, раз он решил обратиться ко мне.

— Начнем с того, что мне как-то никогда не приходилось завоевывать девушек, — ответила я. — Но если опустить эту незначительную деталь, узнала бы о ней все. Что она любит, чем увлекается... и смотрела бы в этом направлении. Цветы бы дарила.

Банально? Может быть. Но я еще не встречала ни одну девушку, которой не понравились бы цветы.

— А если она настолько недосыгаема, что о ней сложно что-то узнать?

— Совсем сложно? — уточнила я. — Наверняка же есть что-то очень важное, что вот прямо на самом видном месте лежит.

Если можно так выразиться.

— Например?

— Слушай, ну я же не знаю, кто она. Но если хочешь пример, я даже про Аникатию могу сказать, что она любит драгоценности и шмотки, а еще оскорблять людей. То есть если бы ты хотел подъехать к Аникатии, тебе надо было бы зайти со стороны дорогих подарков, а заодно оскорбить кого-нибудь в ее присутствии.

— Я вот сейчас сам почти оскорбился, — фыркнул Ярд.
— Что ты предложила мне Аникатию.

— Я предложила ее как наглядный пример, — ответила я. — Но мне даже в голову не могло прийти, что это она. Надеюсь, это и правда не она.

Ярд пихнул меня локтем в бок, в результате чего я слегка влетела в Соню.

— Прости, — шепнула одними губами. Подруга кивнула.

— Адепт Лорхорн, адептка Ларо. Вам тоже надоело сидеть? — поджав губы, осведомился магистр Холл. — Или вы хотите рассказать всем теорию поверхностных плетений вместо меня? Если так, я с радостью уступлю вам место.

— Простите, — произнес Ярд серьезно. — Это больше не повторится.

— Надеюсь, — сурово ответил магистр, — так вот, в поверхностных плетениях главное...

Я активировала перо и принялась заносить конспект в виригту. Судя по выражению лица друга, он о чем-то очень серьезно задумался, потому что, обычно сосредоточенный, записывающий все подряд, сейчас едва ли пару предложений черкнул. Видимо, вычислял, что же понравится его загадочной девушке. Я же старалась писать и не думать про Люциана. Ни в каких смыслах. Сегодня у нас с ним совместных пар больше не было, военщики полностью уходили в свой факультетский профиль, а вот после занятий нас ждала отработка. И, если верить расписанию (привет, магистр Доб-

рое утро завтра первой парой), еще и занятие драконьим.
Фу-ф-ф. Да, напряженненькая предстоит неделька.

Глава 9

Лена

Хвиинсты, конечно, маленькие животные, но срут как большие. В этом я убедилась, когда мы с Люцианом чистили их клетки. Магию нам использовать запретили, причем категорически. В случае зафиксированного магического импульса отработка не засчитывалась, а куратор-старшекурсница, наблюдавшая за нами, периодически отпускала что-то в стиле:

— Да-а-а, это вам не голыми в раздевалке тискаться, правда?

Из чего я сделала вывод, что вся Академия уже знает про раздевалку. Делать им нечего, что ли, за чужой жизнью следить?

Когда девица в очередной раз прокомментировала сброс говна на вентилятор... тьфу, в ведрище с опилками, словами:

— Совсем не похоже на ваши обычные приятные занятия?

Я развернулась и посмотрела ей прямо в глаза:

— Потрахалась бы хоть раз — узнала бы, что такое приятно. А так только на говно смотришь и на говно исходишь.

Она изменилась в лице, а у Люциана дрогнул уголок губ. Он вообще был на удивление молчалив сегодня, хотя о чем

тут поговоришь? В присутствии этой мымы. Которая разозлилась и заорала:

— Быстрее! А то скажу, что вы тут прохлаждаетесь! И не засчитаю уборку.

Может, в нее разок кинуть? С другой стороны, оно мне надо? Я, конечно, не против продленных физических упражнений, но предпочитаю другие. Пока я об этом думала, Люциан вернулся к своей привычной сосредоточенности. Самочка хвиинста в очередной неубранной клетке моргала, медленно открывала и закрывала песочно-рыжие перепончатые веки, прикрывая лапками свой кенгурушный животик. Оттуда выглядывал совершенно милого вида детеныш, глядя на которого я невольно улыбнулась.

В Даррании не было домашних животных, увы. Поэтому где еще на такую прелесть посмотришь?

— Туда пойду один, — коротко прокомментировал Люциан.

— Это еще почему?

— Не хочу, чтобы тебя ударило магией.

— А тебя, значит, можно магией бить?

— Я умею ставить защиту.

Это он на бьяниглов сейчас намекает, что ли? Ну простите.

Спорить не стала, перешла в клетку с гааграми. Академическая зоозона располагалась под открытым небом, в случае непогоды просторное поле накрывали магическим щи-

том. Работники зоозоны следили, чтобы на воле животные находились не менее трети суток, в клетки их отправляли на время сна и чтобы они могли почувствовать себя в безопасности. Все, кто здесь жил, пострадали либо от браконьеров, либо от свержххищников, которых, по понятной причине, в Академии не держали. Тем не менее клетки для всех здесь живущих были больше своим безопасным местом, чем каким-то ограничением.

Гаагры встретили меня клеткотом и хлопаньем крыльев. Это были огромные не то гуси, не то павлины. Ну то есть если к гусю приклеить павлиний хвост, только в другой расцветке, оранжево-пестрой, то получился бы гаагр. Отличительной особенностью этих птиц была магия, с помощью которой они воспроизводили потомство. То есть у них не было самок и самцов, они просто воссоздавали внутри себя магическое яйцо.

После уборки зоозоны мы уходили потные и вонючие. Очень сложно не влезть в дерьмо, когда оно повсюду. Зато мозги прочистились: я целых два часа думала только о животных и отходах их жизнедеятельности, а не об Адергайне. Признаюсь, это было гораздо приятнее, а еще улыбнула мысль о том, как пострадала бы его гордость, если бы он об этом узнал.

— Через час у тебя или у меня? — ошарашил Люциан, когда мы шли ко входу в главный корпус.

Я вспомнила, что ректор запретила лишние порталы, и

поняла, что он имеет в виду занятия драконьим.

— Может, в библиотеке?

— У тебя или у меня.

Это прозвучало, как окончательное решение, обсуждению не подлежащее. Сначала я хотела возмутиться, но уборка меня слегка остудила. А еще — я же сама хотела с ним поговорить. Обо всем. Поэтому только кивнула:

— Давай у меня.

Он кивнул, и мы разошлись в разные стороны.

После душа я почувствовала себя значительно лучше. Переоделась в легкое платье, успела перекусить запасенной во время обеда булкой с орешками и кремовым соусом, и, как раз дожевывала ее, когда постучал Люциан.

— Привет, — сказала, быстро сглотнув, чтобы не напомять хомяка. Сжала остаток булки в руке, не зная, куда ее деть. — Проходи.

— У тебя крем на губах, Лена.

— Что?

Вместо ответа он просто коснулся моих губ пальцами. Прикосновение обожгло и прошило насквозь, но я почему-то, вместо того чтобы отступить, застыла. Глядя на то, как он демонстрирует мне стертый с моих губ крем, а потом облизывает пальцы.

Где был в этот момент мой мозг?

Наши взгляды встретились, и в следующий момент он уже облизывал мои губы. Так откровенно и так чувственно, что

у меня подогнулись ноги. Дыхание перехватило, а Люциан уже шагнул ко мне в комнату, толкнул дверь, закрывая ее. Удерживая меня, не позволяя отстраниться, не позволяя даже сделать вдох между этим бесконечным поцелуем. Зажигая внутри меня такие искры, которые грозили перерасти в пожар и спалить здесь все дотла.

Неправильно, неправильно, это было неправильно!

Я это знала, но это «неправильно» затягивало меня в эту безумную близость, как в переход между мирами. Я резко уперлась ладонями ему в грудь:

— Люциан! Мы же все решили! — выдохнула я.

Сердце колотилось, как сумасшедшее, и униматься не собиралось.

Да что со мной?! Сначала в том домике, на землях без магии, теперь здесь...

— Ты решила? Тогда почему ты реагируешь так? — Он провел ладонью по моему бедру, задирая подол платья. Легкая ткань даже особо не сопротивлялась, а вот я точно должна была! Несмотря на струящийся по телу жар.

— Хватит! — Я с силой толкнула его. — Хватит меня проверять на прочность! Или ты хочешь, чтобы я пошла к Вьерду и попросила отменить наши занятия по причине твоих домогательств?!

— Моих, — глаза его зло сверкнули, он подчеркнул это слово сжатыми на миг губами, — моих домогательств?! Спорим, если я сейчас стяну с тебя трусики, они будут насквозь

мокрые?

— Ну ты и хам!

— Может быть. Но мне надоело смотреть на то, как ты врешь себе, что это Ленор. Ленор, может, и заперта в твоей голове, но это ты отрываешься на меня, на мои прикосновения. На мои поцелуи. Может, тебе нравится думать иначе, но мне нет. Меня это все уже задолбало! Задолбало сопротивляться тому, что я чувствую, тому, что я постоянно думаю о тебе. И знаешь — будь это только с моей стороны, я бы оставил тебя в покое. Но ты так же думаешь обо мне, Лена. Ты точно так же от меня течешь.

Порыв влепить ему пощечину я остановила на подлете. Не хватало еще начать драться!

Булка в руке, кажется, превратилась в мякиш, и я швырнула ее в урну-переработчик. Которая с магическим чавканьем все втянула мгновенно.

— Твое самомнение безгранично, как просторы Даррании, — сложив руки на груди, пытаюсь унять это ненормальное сердцебиение и ненормальную реакцию на него, произнесла я. — Исправить это я не могу, могу только предложить следующий вариант: ты больше не пытаешься навязать это мне. Потому что, нравится тебе это или нет, я с Валентайном...

Его глаза сверкнули золотом, силой которого окатила даже меня.

— К драхам Валентайна! — выплюнул Люциан. Шагнул

ко мне так, что я не успела даже отпрянуть. Схватил за плечи, больно впиваясь в них пальцами. И, так же больно, зло впиваясь губами в мои губы.

От этого напора повело снова, но я не собиралась больше этого позволять. Ни ему! Ни себе!

Цапнув его за губу, я снова с силой толкнула Драгона в сторону.

— Нет! — крикнула я. — Нет, нет, нет и еще раз нет! Это слово ты понимаешь? Или тебе плевать?! Возьмешь меня силой, как твой брат?

На миг показалось, что силой не возьмет, но ударит. По крайней мере, магически, чем-то вроде того золотого хлыста.

— Ну ты и тварь, Лена, — процедил он, облизывая прокушенную губу. — Но знаешь что? Мне даже на это плевать. Мне уже плевать даже на то, что тебя трахает он. Но в то, что плевать тебе, я не верю. Ты можешь сколько угодно лгать, притворяться, что у вас все хорошо. Но ты никогда не простишь того, что он трахал Ленор!

В меня словно кипятком плеснули. Но даже не это его «тварь», безумно напомнившее мне о тех днях, когда мы с Драгоном были врагами, обожгло, кислотой растекаясь по венам.

«Ты никогда не простишь того, что он трахал Ленор».

— Что за бред ты несешь?! — прошептала я, еле сдерживаясь. От ярости, ото всех хлынувших в меня чувств.

— Бред — это то, что несешь ты. — Его слова врезались в меня колким острым стеклом. — Когда говоришь про чувства Ленор ко мне и про ее реакцию тела...

— Я про то, что Валентайн трахал Ленор! Ты совсем ополоумел?! Настолько ополоумел, что готов нести всякую хрень?

— Ты о чем? — прищурился Драгон.

— О том! О том, что ты только что сказал.

— Я сказал правду!

— Какую правду?! — крикнула я. — Какую правду? Валентайн ненавидит Ленор! Он даже хотел от нее избавиться, я его остановила...

Я прикусила губу, понимая, что на чувствах могу наболтать много всего лишнего, но эти чувства не отпускали. Больше того, их с каждой минутой становилось невыносимо много, они прибывали как вода в пещере во время прилива, грозя отрезать мне воздух, я чувствовала себя так, будто захлебываюсь.

— Что ты имел в виду?!

— погоди, — Люциан нахмурился. — Ты что, не помнишь? Что происходит?

Что происходит?! Что происходит! Да это мне надо задавать этот вопрос. У меня неожиданно закружилась, дико заболела голова. Я пошатнулась, но все же рванулась из его рук, когда он попытался меня подхватить.

— Лена, — глядя мне в глаза, произнес он, — Валентайн

изменял тебе с Ленор. Они спали два месяца, когда она перехватила власть над твоим телом. Ты сама рассказала об этом. Он не понял, что это была не ты...

— Замолчи! — никогда не думала, что в моих легких может быть столько воздуха, а во мне столько крика. Столько боли.

Откуда она?

— Я не знаю, как ты об этом могла забыть, — процедил он, шагая ко мне, — но это точно было. Ты рассказала об этом мне и Софии. Соне, в смысле.

У меня потемнело перед глазами. Мой мир просто рушился, собирался на части и рушился снова. Я не хотела верить в то, что происходящее со мной реально, но оно было реально. Оно закручивалось в вихри внутри меня, и я дрожащей рукой дотянулась до виритты, набирая Соню.

— Соф... Соня, — дрожащим голосом пробормотала я. — Сонь. Это правда, что Валентайн спал Ленор? Что она украла два месяца моей жизни?

Подруга изумленно моргнула:

— Что?

— Люциан сказал, что Валентайн спал с Ленор. Что меня не было два месяца, ты же наверняка должна о таком знать. Тебе бы я рассказала...

— Разумеется, рассказала бы. Но ты не рассказывала, — Соня выглядела раздраженной. — Что за бред?!

— Да вы обе с ума посходили, что ли?! — вклинился Лю-

циан.

Подруга метнула на него раздраженный взгляд:

— Знаешь, если твой тупой подкат не прокатил, необязательно пытаться очернять другого мужчину. Который, в отличие от тебя, знает, что такое забота и любовь.

Она отключилась раньше, чем я успела попрощаться. В глазах Люциана горела магия, так горела, что дышать было нечем, но мне и без нее было нечем дышать. Я втягивала воздух судорожно, пытаюсь им надышаться, и не могла.

— Кажется, я понял, — прищурился он. — Лена. Послушай меня. Валентайн, скорее всего, использовал какое-то заклинание, чтобы заставить тебя забыть. Чтобы заставить забыть вас...

— Конечно! Всенепременно! Именно это он и сделал!

— Лена...

Под моим взглядом он осекся, и тогда я заговорила. Чудом не глотая дрожание на губах слова:

— Тебе что, так приятно делать мне больно? Не можешь добраться до меня, поймешь, так обязательно нужно поймечь словами? — Я сама не понимала, почему меня так трясет. Из глаз чуть было не брызнули слезы, я сдержала их лишь усилием воли. Сжала кулаки. — Пошел нахрен, Драгон. Убирайся из этой комнаты! Убирайся из моей жизни!

Он открыл рот, словно собираясь что-то сказать. Закрыл. На скулах заиграли желваки. Люциан дышал так рвано, словно пробежал марафон, к которому не готовился, и теперь

внутри него кипятился воздух. Ноздри раскрывались и втягивались, как у хищного зверя. Мгновение — и он вышел из моей комнаты, громыхнув дверью с такой силой, что захрустел несчастный косяк.

Я же уселась на кровать и разревелась. Меня колотило, как от выброса темной магии, поэтому я ничуть не удивилась тому, что пространство в комнате раскрылось в одно мгновение, и ко мне шагнул Валентайн.

— Лена! Лена, что случилось?

Я бы и хотела сказать, что, но не могла. Бред какой-то! Люциан просто сказал какую-то хрень, а я из-за нее разревелась. Как дура! Полная дура. Он готов говорить всякое дерьмо про Валентайна, про нас, просто потому что не может меня получить. Просто потому, что его бесит, что понравившаяся игрушка ему не принадлежит! Но почему это так больно? Почему внутри взрываются бомбы, и меня ломает и рвет на части?

Даже несмотря на то, что Валентайн прижимает меня к себе, и я слышу стук его сердца.

— В-в-алентайн, — всхлипнула я. — Валентайн?

— Что? Что, девочка моя?

От этого «девочка моя» внутри взорвалась очередная бомба. Я сдавленно вдохнула, выдохнула и прошептала:

— Скажи, у вас с Ленор что-то было? Ты что-то сделал с моей памятью?

Глава 10

Валентайн изменился в лице. Хотя точнее будет сказать, он изменился. В одно мгновение: черты лица стали драконьими, по скулам скользнуло серебро чешуи. В одно мгновение от него повеяло знакомым холодом темной магии, но этот холод больше не мог меня напугать. Сейчас мне жизненно важно было услышать его ответ.

Ответ, от которого, кажется, сейчас зависела моя жизнь.

— Это Ленор тебе сказала? — резко поинтересовался он.

— Эту чушь.

Я открыла рот, чтобы возразить, но...

— Да. — Это был мой голос и мой рот, но говорила не я.

— Это Ленор.

Сказать, что я охренела — значит, ничего не сказать. Как ей это удалось?! Вот так легко?!

— Ты что, не понимаешь, зачем она это делает? — Ноздри Валентайна хищно шевельнулись. — Сначала ей надо вбить между нами клин, а потом свернуть тебя к Драгону. Точнее, себя. Подтачивая твою уверенность в наших чувствах, в нас, она надеется на то, что ты сдашься. Откажешься от борьбы за свое тело. За свою жизнь.

— Понимаю, — очень натурально всхлипнула Ленор. — Понимаю, просто...

— Лена, однажды мы договорились доверять друг другу.

Неужели ты думаешь, что я мог так с тобой поступить? — Валентайн смотрел на меня в упор. Смотрел жестко, глаза в глаза.

— Нет, — прошептала она, вытирая слезы тыльной стороной запястий. Снова всхлипнула. — Нет, конечно же нет. Прости, я такая дура...

— Дура — это она, — процедил Валентайн. — Если считает, что я это просто так оставлю.

Ленор неожиданно замолчала, а я поняла, что у меня опять шевелятся пальцы. В смысле, они шевелятся тогда, когда этого хочу я. Он по-прежнему прижимал меня к себе и гладил по волосам, хотя правильнее будет сказать — запустил ладонь в мои волосы и перебирал их.

— Ты — моя жизнь, Лена, — произнес он. — Мое дыхание. Ты мой мир. Мой свет. Я никому не позволю причинить тебе вред.

То ли благодаря Ленор, то ли благодаря знакомым, властно-успокаивающим прикосновениям слезы больше не лились. Пора переставать рыдать, включать мозг и жить дальше. Люциан это сделал, чтобы причинить мне боль. Ну что же, у него получилось. Сама не знаю, почему — ведь я прекрасно знаю, кто такой Драгон и каким он умеет быть. Он из тех, чьи игрушки, если не падают в его руки, рискуют оказаться с вывернутой рукой или ногой. Или с оторванной головой. Образность образностью, конечно, но с этим пора заканчивать.

Мне в самом деле надо порвать с ним все отношения.
Все!

«Он не понял, что это была не ты...» — от холода, прокатившегося по телу, я замерла. Просто потому, что сейчас Валентайн тоже не почувствовал «смену ролей». Но две реплики — это не два месяца! Такого просто не может быть! Что я вообще за женщина, если буду сомневаться в своем мужчине, да еще и верить такому?!

«Спроси у моего сына, что он от тебя скрывает», — прозвучали в голове слова Адергайна.

Да, Лена, молодец! Давай верить всем, кроме того, кто делает для тебя все. Особенно Адергайну! Который вообще мастер интриг, и только и ждет, чтобы я слетела с катушек и перешла на «темную сторону силы». За печеньками. Или за чем еще.

— Валентайн, — я глубоко вздохнула. — Это все очень, очень изматывает. Прости, что вообще заикнулась о таком. Я, наверное, перенервничала из-за твоего отца. Из-за всего происходящего...

Его губы накрыли мои, прерывая.

— Лена, давай просто оставим это в прошлом. Я не хочу больше говорить о Ленор, не хочу даже имя ее слышать. Эта девчонка просто не ценит всего того, что мы для нее делаем.

Образно говоря, это было не совсем верно. Вдобавок, Ленор вообще меня тормознула в моем состоянии аффекта. Когда я чуть не ляпнула про Люциана. Даже думать не хочу,

как Валентайн мог на такое отреагировать. Люциан, конечно, говнюк, но сравить их я хотела в последнюю очередь.

Нет уж. Пусть все остается как есть.

— Как ты смотришь на то, чтобы поужинать дома? — спросил Валентайн. — Только ты и я.

Я вскинула на него взгляд.

— Положительно, но нам запретили ходить порталами, и...

— Я — заместитель ректора. Думаешь, тебе запрещено ходить порталами вместе со мной?

Что скрывать, мне правда хотелось отсюда уйти. Очень-очень хотелось. Забыть все это, спрятать в самые дальние уголки памяти, перелистнуть страницу и больше никогда на нее не заглядывать. День, когда мы начинаем сомневаться в самых близких, может стать началом конца. Конец доверия, конца отношений, конца чувств. Конец всему хорошему, и я чуть было не наступила в этот открытый люк. Не только в него провалилась, но и уже почти получила по голове крышкой.

— Спасибо, что пришел, — тихо сказала я. — Спасибо, что не обиделся. Для меня это очень важно.

Валентайн поднялся и протянул мне руку.

— Пойдем, Лена.

— Да. Пойдем. — Я поднялась следом и вложила пальцы в его ладонь.

Пусть Адергайн и все, кому неймется, идут лесом. А я бу-

ду его любить. Просто любить. Потому что любовь — это то, что способно разрушить любую, даже самую сильную тьму.

Валентайн Альгор

На ночь Лена заплетала волосы. Раньше он никогда не задумывался о том, как это красиво. Но в случае с ней всегда все было красиво. Эта красота рождалась где-то внутри нее, превращая невзрачную серую девицу Ленор Ларо в самую желанную женщину в мире. К сожалению, не только для него.

Если бы можно было просто взять и выжечь им всем глаза, чтобы не смели на нее пялиться, не смели даже взглянуть... Отец так и делал, если ему не нравилось, когда кто-то смотрел на его игрушки так, как смотрят на нее. Но для него Лена никогда не была игрушкой, и он обещал себе не становиться таким, как Адергайн. Вот только какой он?

Сейчас Валентайн уже думал об этом совершенно иначе. Он ненавидел отца из-за матери. Ненавидел из-за его методов воспитания. Но не признать того, что его жизнь гораздо более свободная и яростная, чем жизнь любого в забитой под завязку ограничениями и правилами Даррании, не мог. Даже Ферган узник собственного величия, за которое держится и над которым трясется. Отец же, сколько Валентайн себя помнил, всегда принимал свое происхождение и свою власть как должное. Чувство было такое, что Адергайн родился с глубоким принятием собственной силы и статуса.

Они для него были, как для остальных воздух: просто есть — и вдыхай. И это видели. Поэтому подчинялись беспрекословно, поэтому покорялись. Поэтому за ним шли.

Быть человеком оказалось отнюдь не так интересно, как Валентайну когда-то казалось. И уж совершенно точно в разы сложнее, потому что мораль давила похлеще рабского ошейника.

Он ни на мгновение не пожалел о том, что сделал: он обещал заботиться о Лене, и он заботится. Если не получилось исправить все так, получилось иначе. Она больше не испытывала боли. Больше не страдала из-за его ошибки, и это было правильно. Сегодня, когда Валентайн вновь уловил ее чувства, когда его ударило, прошло этой болью насквозь, он едва сдержался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.